

Андрей Валентинов

ОРИЯ

ЕСЛИ СМЕРТЬ ПРОСНЕТСЯ

Ория

Андрей Валентинов

Если смерть проснется

«Автор»

1997

Валентинов А.

Если смерть проснется / А. Валентинов — «Автор»,
1997 — (Ория)

Светлый Кей Валадар пал от руки своего старшего сына, провозгласившего себя верховным правителем. А младший сын Кея Войчемир оказался в темнице, и спасти его поможет только чудо. И чудо происходит, когда на помощь Войчемиру приходит его друг, колдун-рахман Урс...

© Валентинов А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Пролог.	5
Глава первая. Беглец.	10
Глава вторая. Навий подкидыш.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Валентинов

Если смерть проснется

Пролог.

Четверо верховых тащили на аркане пятого – высокого, длинного, словно жердь, в порванной в клочья белой рубахе. Короткие, стриженные в скобу, волосы запеклись кровью, кровь была на лице, заливала глаза, черной коркой покрывала губы. Но человек был жив. Время от времени он стонал, бормоча невнятные слова.

Впереди, за стеной пожелтевшего осеннего камыша, сверкнула серая речная гладь. Всадники спешили. Старший, широкоплечий седой усач, кивнул двум своим молодым спутникам, и те нырнули в камыши. Четвертый подошел к пленнику и ткнул его в бок каблуком красного огрского сапога. Услышав стон, он удовлетворенно кивнул и разом потерял к человеку всякий интерес. Между тем послышался шум, и появились двое молодых парней, волоча спрятанный в камышах челнок. Старший нетерпеливо мотнул головой. Челнок с легким плеском упал на воду.

– Отвезете и расскажете...

Один из молодых парней, безусый, с длинным чубом, закрученным за левое ухо, кивнул и, подойдя к пленнику, тщательно проверил узлы на веревках, стягивавших руки и ноги. Оставшись довольным, он кивнул другому, такому же безусому, но не имевшему чуба. Парень достал из-за пояса нож и уже наклонился, чтобы перерезать аркан, но тут четвертый – средних лет, одноглазый, с глубоким шрамом на левой щеке, шагнул вперед:

– Отвяжи. Добрый аркан. Жалко.

Чубатый пожал плечами, но спорить не стал. Узел затянулся крепко, и парню пришлось повозиться. Наконец чубатый передал одноглазому аркан, после чего пленника подняли и опустили в челнок. Человек дернулся, открыл глаза и пошевелил запекшимися губами:

– Пить...

Его услышали, но никто не потянулся к фляге. Старший взглянул на солнце, на миг задумался, затем повернулся к парням:

– Возвращайтесь до темноты. Этого – сразу к Покотило.

– Да, батко...

Парни оттолкнули челнок от берега, ловко забрались через невысокие черные борта и взялись за весла.

– Эй!

Одноглазый махнул рукой и кинул парням кожаный мешок. Чубатый поймал его в воздухе, но не смог удержать – то, что там лежало, весило немало. Парень покачал головой и припустил мешок в ноги пленника.

Седой усач и одноглазый молча проводили челнок и не спеша вернулись к оставленным лошадям. Им явно хотелось поговорить, но многолетняя привычка заставляла сдерживаться. Разговоры в дозоре опасны, лишнее слово может стать последним.

Это знали и те, кто плыл в челноке. Парни молча гребли, даже не глядя на своего спутника. Тот же, немного придя в себя, попытался приподняться, но сильная ладонь чубатого прижала его к дну лодки.

– Лежи!

– Я...

Пленник закашлялся, поднял голову и скривился от боли.

– Куда... Куда меня везете?

– Молчи!

Тон чубатого не настраивал на дружескую беседу, но связанный не унимался:

– Я... Я Кеев кмет. Сотник... Вы ответите...

Сильный толчок заставил человека замолчать. Но ненадолго. Чуть погодя он предпринял новую попытку:

– Я должен получить серебро. Много серебра...

– За это? – тот, что был без чуба, презрительно усмехнулся и кивнул на кожаный мешок.

– Да! Мы все должны были получить... Отпустите – и половина ваша!

– Дешево ценишь!

Чубатый отвернулся и сплюнул за борт, явно не желая продолжать беседу. Но второй парень оказался разговорчивее:

– Значит, ты Кеев сотник?

– Да! Да! – пленник поднял голову, в глазах блеснула надежда. – Я сотник Светлого Кея Рацимира! Я выполнял приказ... Его приказ!

– Вместе с ограми?

– Так было надо! Нам приказали...

– Хватит!

Чубатый повысил голос, и его товарищ послушно умолк. Пленный вновь попытался заговорить, но на этот раз ответом было молчание.

Между тем челнок неслышно скользил по узкой протоке между зарослями пожелтевшего камыша. Вокруг было тихо, но парни то и дело останавливали лодку, долго прислушивались и лишь после этого вновь погружали весла в воду. Так продолжалось около часа. Наконец челнок вновь остановился, чубатый осмотрелся и кивнул в сторону берега. Острый черный нос ткнулся в камыши, и тотчас послышася тихий свист.

Чубатый поднял голову и свистнул в ответ – так же негромко. Из камышей показались двое усачей с длинными копьями в руках.

– Глек? Никак ты?

– Чолом, дядько Звар. Не ждали?

Звар, широкоплечий рыжий парень, быстро окинул взглядом прибывших и вновь присвистнул:

– Никак с добычей?

– Потом, – чубатый Глек, хотя и был намного моложе Звара, держался с ним, как ровня. – Покотило в Страж-Городе?

– Нет, тут он. Рядом – у соседей.

– Зови!

Звара и его спутника, такого же усача, только не рыжего, а черноволосого, явно тянуло на расспросы, но он не стал спорить, а коротко бросив: «Сейчас!», поспешил куда-то сквозь камыши. Глек кивнул своему товарищу, и они принялись вытаскивать пленника на берег. Черноволосый усач бросился помогать, но обошлись и без него – чубатый и его спутник легко вытащили долговязого из челна.

Зашумели камыши. Глек и его товарищи привычно обернулись, сжимая в руках копья, но тут же опустили оружие. Звар вернулся, и не сам. Одним усачом стало больше. Прибывший был старше остальных, на голове красовалась богатая румская шапка, а у пояса золотом блестели ножны огрской сабли.

– Чолом! – гость быстро осмотрелся, скользнул взглядом по связанному пленнику и повернулся к Глеку. – Откуда, хлопче?

– С полуденной сторожи, батько Покотило. От Кривой Могилы.

– Так...

Усач вновь взглянул на пленника, нахмурился и кивнул Глеку:

– Говори.

– Пятеро. Трое – огры. Велели остановиться – они за луки. Малыша Чуру убили. Тогда старшой велел идти наперерез. Вот...

Чубатый указал на пленного, затем поднял с земли кожаный мешок:

– И вот. У него было.

Глек развязал узел и осторожно потряс мешок. Из него выкатилось что-то круглое, тяжелое, залитое кровью...

– Матушка Сва! – не выдержал один из усачей.

Остальные промолчали, но взгляды сразу же посуровели. Покотило наклонился, разглядывая искаженное предсмертной мукой лицо того, чью голову пленник вез в мешке у седла. Глаза были полуоткрыты, судорога свела рот, длинные черные усы, покрытые засохшей кровью, прилипли к подбородку...

– Кей Валадар...

Усачи переглянулись, затем Покотило повернулся к пленному:

– Сполот?

– Он говорит, что... – начал было Глек, но усач нетерпеливо мотнул головой, приказывая замолчать. Пленник приподнялся, попытавшись расправить плечи:

– Я сотник Светлого Кея Рацимира. То, что сделано – сделано по его приказу и на благо Ории...

– Рацимир – Светлый? – удивленно переспросил рыжий Звар, но Покотило вновь мотнул головой:

– Значит, ты, Кеев кмет, убил Кея? Убил на нашей земле? Убил нашего друга и нашего гостя?

– Это не твое дело, бродник! – пленный понял, что пощады не будет, и голос его прозвучал твердо, без страха. – Это земля не ваша! Она – Кеева! Светлый волен миловать и волен казнить каждого. Я – лишь его рука...

Покотило задумался, махнул рукой, и усачи вместе с Глеком схватили связанного и поволокли в камыши. На берегу остался лишь рыжий Звар.

– Я пришлю тебе смену, – Покотило прошелся по берегу, затем кивнул на отрубленную голову. – Спрячешь. Своим вели молчать. Пока...

– Кей Валадар был нашим другом, – тихо проговорил Звар. – Он бежал к нам...

– Да. Мы ждали его еще вчера... Пока молчи. Мы должны решить, что нам делать.

– Рацимир убил брата на нашей земле. Значит, не пощадит и нас.

– Знаю... – Покотило кивнул чубатой головой. – Но пока – молчи.

Неровный огонь костра освещал гранитные глыбы, окружавшие небольшую ложбину. Ночная тьма подступила к самому огню, и люди, сидевшие у костра, казались высеченными из камня. Они сидели неподвижно, голоса звучали тихо, еле слышно. Чубатые головы низко склонились, словно беда, пришедшая с полночи, не давала распрямиться.

– Кеи всегда убивали своих братьев, – тихо проговорил один, и чубатые головы согласно кивнули.

– Но Валадар был нашим другом. – негромко ответил Покотило, и все вновь кивнули, – Он жил у нас. Стал одним из наших...

– Если смолчим, в его крови обвинят нас, – проговорил кто-то.

– Да... – Покотило медленно поднял голову. – Кеи вновь начали войну. Мы не сможем отсидеться...

– Не сможем... – эхом отозвались голоса.

– Нам ли мстить? – в голосе говорившего звучало сомнение. – У Валадара остались братья. Это – их дело. Если Рацимир начнет войну, мы не отступим. Но это был его брат...

– Он был нашим... – повторил Покотило, но его собеседник мотнул чубатой головой:

– Нет! Он был Кеем! Он искал нашей дружбы, но еще больше – наших сабель. Что нам до этой проклятой семьи?

– Тогда пусть скажет сам.

Остальные промолчали, но стало ясно – никто не будет спорить. Покотило встал и сгинул в темноте. Послышалось блеяние – откуда-то появились двое молодых хлопцев. Один нес мешок, второй вел двух черных овец. Сидевшие у костра стали переглядываться, но никто не сказал ни слова. Хлопец положил мешок на землю и достал лопату.

– Может, не здесь? – тихо проговорил один из усачей. – В прошлом году...

– В другом месте будет не лучше, – возразил его сосед. – Лишь бы не услышал Косматый...

– Не поминай! – резко бросил третий, и сидевшие у костра умолкли.

Между тем хлопец быстро орудовал лопатой. Когда яма достигла локтя в глубину, парень положил инструмент на землю, поклонился и исчез. Другой, державший овец, испуганно оглядывался, явно тоже желая уйти. Наконец появился Покотило. Увидев яму, он удовлетворенно кивнул и, достав из-за пояса нож, начертил на земле широкий круг, в котором оказались и костер, и те, кто сидели вокруг него.

– Огонь и железо – всему хозяева, – тихо проговорил бродник, – нет на вас управы, нет у вас господина, сохраните нас этой ночью...

– Сохраните нас... – эхом отозвались усачи.

Покотило вынул из принесенного мешка небольшой мех и чашу. Густое вино лилось медленно, словно нехотя. Наконец чаша была полна. Бродник поднял ее над головой и столь же медленно вылил на землю.

– Это вино для вас, темные навь, – проговорил он, – пейте и свое разумеете, нас же не замечайте, мимо пролетайте, иного желайте...

Ответом была тишина. Затем, совсем рядом, послышался странный звук, словно затрепетали крыльями невидимые птицы. Бродник выпрямился, нахмурился и резко произнес:

– Прочь! Хозяин на пороге!

Вновь шум – и у костра стало тихо. Покотило наполнил вторую чашу.

– Это вино для вас, души заложные, неприкаянные. Ищите Ирий, нас же обходите, не будет вам поживы, пролетайте мимо...

Ответом был тихий стон. Покотило вылил вино на землю, в третий раз наполнил чашу и осторожно поставил прямо на траву:

– Эта чаша для Хозяина. Пусть ему будет сладко, пусть смотрит на дно, а не на нас, пусть забудет и не вспомнит, пока Всадник не придет, пока заря не встанет. Пусть нас забудет и другим закажет...

Мертвая тишина была ответом. Но вот еле заметно дрогнула земля. Испуганно заблеяли овцы, парень, державший их, пошатнулся и захрипел, схватившись рукой за горло. Покотило даже не оглянулся. Взяв одну из овец, он подтащил ее к яме. В неярком свете пламени сверкнула сталь. Обезглавленное животное без звука рухнуло на землю, кровь с легким шипением полилась в яму. Покотило немного подождал, затем подтащил вторую овцу и вновь взмахнул саблей.

Все это время сидевшие у костра не проронили ни звука, словно и вправду окаменели. Костер, в который давно уже не подбрасывали дров, почти погас, лишь большие розовые угли ярко светились среди белой золы. Покотило выпрямился, поднял голову к темному небу и негромко заговорил:

– Месяц на небе, мертвец в земле. Месяц все видит, мертвец все знает. Месяцу не холодно, мертвецу не больно. Месяц – это ты, Кей Валадар, и мертвец – это ты, Кей Валадар.

Глух ты и нем, мучит тебя жажда и негде тебе напиться – ни в небесах, ни под землей. Приди же, выпей с нами!

Он немного подождал, затем резко взмахнул рукой:

– Валадар сын Мезанмира! Заклинаю тебя кровью, твоей и чужой – приди!

Отзвучали последние слова, и внезапно налетел ветер – холодный, резкий. Последние языки пламени исчезли, прижатые к белой золе. Исчезли звезды, со всех сторон надвинулась тьма, и сквозь нее начал медленно проступать высокий силуэт, еще более черный, чем затопившая ложбину ночь. Парень, о котором все забыли, лежал на земле, закрыв лицо ладонями. Остальные сидели молча. Покотило ждал, затем вновь махнул рукой. Черная тень подступила ближе, к самой яме, на миг наклонилась, снова выпрямилась...

– Почему вы не даете мне покоя?

Голос, прозвучавший из тени, был обычным, немного усталым. Его узнали – усачи переглянулись, Покотило вытер со лба холодный пот:

– Мы не ведаем, что нам делать, Кей Валадар, – хрипло проговорил он. – Должны ли мы мстить за тебя? Ты был нашим другом, Кей, тебя убили на нашей земле...

Черная тень дрогнула, надвинулась, но невидимый круг не пустил ее к костру:

– Бойтесь... – в голосе прозвучала горечь. – Даже ты теперь боишься меня, бесстрашный бродник! Не бойся, я не хотел вам зла живой, не хочу и мертвый. Не мстите – за меня отомстят другие. Когда-то первый из Кеев убил своего брата, и эта кровь отзывается в каждом колене. Мой отец убил дядю Жихослава, брат – меня. Но теперь погибнут все – кроме тех, чьи отцы убиты. Недаром сказано: малую кровь можно унять тряпицею, большую – временем, а великую унять нечем, течь ей, пока вся не вытечет. Вы же подумайте о себе – будет война.

– Но что нам делать, Кей? – один из усачей, не выдержав, вскочил, но его тут же схватили, вновь усадив на землю. Послышался смех – горький, невеселый:

– Я хотел быть вашим вожаком, бродники! Не вышло, и может, это к лучшему. Бойтесь всех, но всего более – Рацимира. Когда его душа уйдет вслед за моей – забудьте о войне. Ждите – и договаривайтесь с тем, кто наденет Железный Венец. Прощайте! Пусть наша встреча в Ирии будет нескоро...

– Прощай, Кей! – Покотило поднял мех и вылил остатки вина в яму. – Да будет твой путь легким!

– Да будет путь легким! – эхом отозвались усачи.

Порыв ветра – и все исчезло: и тень, и темные тучи над головой. Несмело, робко засветилось звездное небо. Внезапно одна из звезд бесшумно скользнула к горизонту и сгинула, не оставив следа.

– Хвала Дию, обошлось, – проговорил кто-то. Усачи зашевелились, в костер легла вязанка хвороста, и яркое пламя отогнало тьму. Покотило склонился над потерявшим сознание хлопцем, легко похлопал его по щекам и удовлетворенно кивнул:

– Обойдется! Сомлел...

– Сомлеешь тут! – охотно откликнулся кто-то. – И не страшно тебе, Покотило?

– Страшно? – бродник присел к огню и протянул к пламени широкие ладони. – Не того нам бояться надо! Завтра же соберем Большой Круг...

– Ласкини нет, – отозвался один из усачей. – Без него негоже...

– Ласкиня? – Покотило усмехнулся и поправил длинный чуб. – Ласкине незачем возвращаться. Он и так на месте... А где сейчас Кей Сварг? Не в Коростене ли?

Глава первая. Беглец.

Войчу разбудила боль – ныли зубы. Войчемир встал, поеживаясь от холода, и безнадежно взглянул на люк. Сквозь щели просачивался предрассветный сумрак. Начинался еще один день – такой же долгий и тоскливый, как и все прочие. Поруб – иного и ждать нелепо. Холодный песок под ногами, сырые стены, затхлый воздух. И так день за днем – неделя, месяц, второй...

Войчемир уже давно перестал шуметь, требовать, просить встречи с Рацимиром. Стало ясно – брат не придет. И никто не придет к нему, только стража – глухая и немая, зато зоркая и не знающая сна. Не будет даже суда, которого может требовать каждый Кеев подданный. Ничего этого не будет. Он, Войчемир сын Жихослава, останется здесь, в сырой яме. Ему будут приносить воду, жесткие заплесневелые лепешки и холодную похлебку. Брат не решился пролить его кровь – кровь урожденного Кея, но отсюда ему не выйти.

К голоду Войча притерпелся. В Ольмине, когда приходилось неделями блуждать по мрачным еловым чащам, гоняясь за вездесущей есью, кметам порой не доставалось даже лепешки. Конечно, есть хотелось, но не к лицу альбиру жаловаться на отсутствие калачей. Штаны приходилось все туже подвязывать веревкой, заменявшей пояс, да в животе порой что-то ныло, но в остальном жить было можно.

Зато донимал холод. В первые две недели зябко становилось лишь под утро. На затем лето кончилось, и холод начал чувствоваться по-настоящему. Войчемир, все еще надеявшийся, что все это – страшное недоразумение, потребовал от своих стражей принести плащ, а еще лучше – теплое покрывало, но ответом было молчание. Вскоре он понял – плаща ему не полагалось, не полагалась даже соломенной подстилки. Опальный Кей не имел права на то, в чем не отказывали скотине. Бык или баран нужны своим хозяевам живыми и здоровыми. Он же, сын убитого Жихослава, нужен только мертвым.

Когда под утро бревенчатый сруб стал покрываться инеем, у Войчи начали болеть зубы. Щека распухла, под десной скопился белый гной, а главное – боль, отпускаявшая лишь на час-другой в сутки. Войчемир то и дело вспоминал рассказы Хальга о страшной болезни, называемой «скорбут», которой болеют далеко на полночи. Наверно, она начинается именно так. Остальное довершат холод, голод – и время. Всего этого было хоть отбавляй.

Войчемир не сдавался. Он пытался бегать по маленькому пятаку между сырыми стенами, вспоминал все известные ему приемы боя на мечях, в сотый и тысячный раз повторяя их каждое утро, но силы уходили. Второй месяц был на исходе, и Войча чувствовал, что скоро ему уже не бегать и не стоять на руках. Становилось все труднее дышать, в простуженной груди что-то хрипело и клекотало. Войчемир догадывался, что будет дальше. Скоро он не сможет двигаться, как прежде, а на пороге зима, и ему останется одно – сидеть возле заледеневшей бревенчатой стены, ожидая неизбежного конца.

Все это было и без того невесело, но еще страшнее казались мысли, мучавшие подчас посильнее зубной боли. В долгие ночные часы, когда холод и ноющая щека не давали уснуть, Войчемир сидел, обхватив колени руками, и пытался понять – за что? Почему он, Кей и потомок Кеев, должен умереть в этой проклятой яме?

Братан Рацимир говорил, что в все дело в отце – Кее Жихославе. Но почему? Чернобородый назвал его, Войчемира, теленком, вначале было обидно, но затем он смирился – пусть! Он, Войча, теленок, он ничего не понимает в делах державы, не ведает, как ею править, как судить и вести переговоры с соседями. Но он – Кей, и ему ведом Кеев закон. А закон не знал исключений. Его отец, славный воитель Жихослав, погиб, не надев Железного Венца, и Войчемир, его сын, навсегда отстранен от наследования. Рацимир хочет стать Светлым, нарушив волю покойного отца, но Войча ему не соперник. Валадар, Сварг и, конечно, малыш Улад, если он все-таки не погиб, вот кто имеет право на власть. Почему же умирать ему, Войче?

Войчемир вздохнул, осторожно потрогал раздувшуюся щеку и тяжело встал, понимая, что надо как следует размяться, поприседать, проделать привычные упражнения. Все тело ныло, отказываясь двигаться, но Войча заставил себя встать в стойку. Итак, в левой руке – сабля, в правой – меч. А теперь – к бою! Удар слева... Справа... Еще раз справа... Копье...

Несколько раз Войче казалось, что сверху за ним наблюдают. Наверно, так оно и было. Страже, конечно, интересно, жив ли еще Кей Войчемир. Может, и братан Рацимир интересуется, как там Войче в холодной сырой яме? Ладно, смотрите! Удар слева, теперь – прямо в грудь! Упасть, перевернуться, вскочить... Еще раз, еще...

В такие минуты исчезала боль. Войче начинало казаться, будто он на свободе, что он снова в холодном Ольмине, где Хальг Лодыжка, его суровый наставник, поднимал молодого Кея с рассветом, заставляя обливаться холодной водой, а затем брать в руки меч – настоящий, тяжелый, казавшийся к концу тренировок совершенно неподъемным. «Учись, учись, маленький глупый Войча, – приговаривал в таких случаях наставник. – Ты еще вспоминать злого старого Хальга, который учить тебя как жить и умирать на этот проклятый белый свет!» В те годы Лодыжка вовсе не казался старым – суровому сканду не было и тридцати, но для Войчи наставник казался древним, как седые скалы его далекой холодной родины. И теперь Войчемир был благодарен сканду, учившему его жить и умирать. Вот только даже всезнающему Хальгу не приходило в голову, что его ученик встретит смерть не от вражеского меча, не от стрелы и не от полуночного мороза. И умрет не на поле битвы, а здесь, в грязной холодной яме, брошенный сюда за невесть какую-то вину. Интересно, где сейчас Лодыжка? Знает ли он, что случилось с его маленьким глупым учеником?

Впрочем, отвечать на эти вопросы было некому, как некому было рассказать Войче, что творится на белом свете, живы ли братья и хотя бы какой сейчас день? Вначале Войча не догадался вести подсчет, потом спохватился, но поздно – безмолвная стража не отвечала даже на такой простой вопрос. Оставалось догадываться, что вересень уже прошел, и листопад прошел тоже, значит на дворе костерник, и уже совсем скоро полетят белые мухи. Жаркое лето осталось где-то далеко и вспоминалось теперь, как сказка. Да и было ли это? Навий Лес, черно-желтая Змеева пустыня, залитый лунным светом Акелон... Может, это сон, приснившийся Войчемиру в сырой холодной яме? И Ужик тоже приснился? В первые дни Войча надеялся, что худосочный заморыш не оставит его в беде, но затем опомнился. На что надеяться? Парня сейчас наверняка ловят, и хвала Дию, если рахману Урсу удалось спастись. Здесь не Навий Лес и не Змеева Пустыня. Против Кеевой стражи не помогут ни заклинания, ни хитрые удары, способные свалить с ног здоровяка-бродника. Когда человек превращается в дичь, и охотятся за ним не призраки, а Кеева Держава – надежды мало. Даже для Ужика...

Запыхавшийся Войча вытер пот со лба и присел под знакомую стенку. Рука скользнула по небритому подбородку, и Войчемир брезгливо поморщился. Он начал бриться рано, подражая Хальгу, и неопрятная борода, отросшая за эти месяцы, раздражая едва ли меньше, чем зубная боль. Да что там борода! Воды, которую ему спускали в грубом глиняном кувшине, едва хватало, чтобы напиться. Об умывании не приходилось и думать. Оставалось набирать рукой колкий иней и тереть лицо – докрасна, до боли. Пока сил на это хватало. Пока – но надолго ли?

День тянулся бесконечно, распадаясь на привычные отрезки. Вначале ждать, пока заскрипит люк, и сверху опустится корзина. Оттуда следовало достать лепешку и кувшин с водой, после чего положить туда пустой кувшин. Затем корзина исчезала, можно было жевать лепешку и снова ждать. Где-то через два часа сверху слышались негромкие голоса и стук сапог – менялась стража. Затем вновь – долгие пустые часы, потом люк отъезжал в сторону, и Войче спускали корзину с горшком, в котором была похлебка. Впрочем, похлебка полагалась не каждый день. Затем – снова ждать, на этот раз новой смены стражи, а следом – темноты. Где-то

в полночь стража опять менялась, и после этого можно спать до утра – ничего более не произойдет, если, конечно, не заболят зубы.

В этот день полагалась похлебка, но Войча ждал напрасно. Стража сменилась, но люк остался на месте. Это было не в первой. В последнее время стража начала забывать даже об утренней лепешке – или класть в корзину кусок, годный лишь для кормления цыпленка. То ли кметам надоело заботиться об опальном Кее, то ли – такая мысль приходила все чаще – братан Рацимир решил поспешить и не ждать, пока зимний мороз избавит его от Войчи. Оставалось дожевать остаток лепешки, прополоскать ноющие зубы водой и снова ждать – на этот раз ночи.

Вечерняя стража сменилась, и наверху вновь наступила тишина. Войча не раз представлял себе тех, кто стережет его узилище. Скорее всего, он знает этих кметов или по крайней мере видел их. За два года, проведенные в Кей-городе, довелось познакомиться со многими из тех, кто служил Светлому. Вначале Войчемир лелеял надежду, что кто-то из приятелей не побоится и поможет – или хотя бы перекинется с ним словом. Но этого не случилось. Рацимира боялись и раньше, а теперь, когда чернобородый надел Железный Венец... А жаль – ведь из проклятой ямы не так трудно бежать! Был бы друг наверху, да веревка, да меч, а уж об остальном Войчемир и сам позаботится! Будет Кеевой страже улочка, будет и переулочек, по которому Войча выберется из дворца. А если нет, то лучше упасть на пороге с мечом в руке, чем замерзнуть через пару месяцев у промозглой бревенчатой стены.

Но мечты оставались мечтами, тем более Войчемир не очень представлял, что делать, даже если удастся выбраться из Савмата. Куда бежать? К кому? Огры предлагали ему погостить, но это было раньше. Захотят ли они ссориться с новым Светлым? Лучше всего добраться до Сварга, но жив ли братан? А если жив, то примет ли беглеца? Сваргу тоже незачем ссориться с Рацимиром, тем более из-за Войчи. Они, конечно, друзья, но кто знает, о чем думает сейчас братан Сварг!

...Начинало темнеть, и Войча, сообразив, что остался без похлебки, начал устраиваться у знакомой стенки. К счастью, зубная боль отпустила, и можно было подремать, пока не придет настоящий сон – или не заболят зубы. Еще одна ночь – такая же бесконечная, как день. Вначале Войча подгонял время, надеясь, что впереди – свобода. Но теперь надежды исчезли. Следующий день и следующая ночь не будут счастливее. А впереди... Но об этом лучше не думать.

Войчемир не успел даже как следует задремать – щека отозвалась резкой болью, в глазах вспыхнул желтый огонь, и Войча не смог сдержать стон. Началось! И не просто началось – боль накатила со всех сторон, пульсируя в висках, отдаваясь в затылке, неровными толчками отзываясь во всем теле. Войчемир вскочил, глубоко вдохнул холодный воздух и на миг почувствовал облегчение. Но затем боль накатила вновь, и Войча еле удержался, чтобы не врезать со всей силы по собственной скуле. Если б дело было в одном зубе-предателе, он давно бы вырвал – или выломал – проклятого, но болела вся челюсть, десна напухла, и спасения ждать было неоткуда.

Войча обхватил голову руками и упал на холодный песок. Матушка Сва, ну за что? Лучше б его пытали! Пытка когда-нибудь кончается, палачи устают и идут обедать. Почему его не прикончили сразу! Помирать здесь, в грязной норе, и от чего – от зубной боли! Сказать кому – засмеют! Кеев альбир, тридцать второй потомок Кея Кавада без сил валяется на загаженном песке, готовый выть от боли и отчаяния...

И тут вновь вспомнился Хальг. Суровый сканд редко говорил о своей жизни, но однажды на привале, перед очередной стычкой с белоглазой есью, рассказал о том, как попал в плен – еще мальчишкой. Попал не один, а вместе со старшим братом. Враги – Войча не запомнил ни имени их, ни племени – грозились разрубить ребят на куски, и тогда брат Хальга сплеховал. Он упал в ноги палачам, ползал в грязи, целовал пинавшие его сапоги... Братьев выкупила семья, но Хальг на всю жизнь запомнил случившееся. «Нам всем надлежит умереть, глупый маленький Войча! Я – есть воин, и ты воин быть. Смерть – часть нашей жизни есть. Ты будешь

умирать, маленький Войча. Но враги не должны смеяться. Смеяться должен ты! И тогда врагам станет страшнее, чем тебе. Запомни, что говорить тебе старый злой Хальг.»

Войчемир привстал, приложил щеку к холодному влажному дереву и с трудом сдержал стон. Наставник прав – но перед кем смеяться ему, Войче? Перед холодными стенами? Перед немой стражей? Если б его вывели на площадь, поставили перед плахой или даже привязали за руки и за ноги к четверке диких тарпанов – он бы посмеялся. А здесь...

Но тут же пришел ответ – разницы нет никакой. Просто смерть в холодном подземелье – долгая смерть от голода, холода и боли – страшнее, чем казнь на площади. Отцу, Кею Жихославу, было легче. Его убили сразу, и на мертвом молодом лице навсегда застыла усмешка – Кей смеялся в глаза убийцам. Его сыну не придется уйти так легко. Что ж...

Войчемир медленно встал, поправил рубашку, отряхнул налипший на одежду мокрый песок и засмеялся. Боль не отпускала, в висках пульсировала кровь, пальцы сковал холод, но Кей Войчемир смеялся, словно вокруг были не глухие стены, а озверелые лица врагов. Он чуть было не сдался, чуть не забыл, кто он и как должен держаться. Ничего, те, кто следит за ним, не услышат больше ни стоны, ни крика! Снова вспомнился Хальг. «Ты – воин быть, маленький Войча! Воин не всегда побеждать. Воин может погибнуть, но это легко есть. Попасть в плен – трудно есть. Над тобой будут смеяться. Тебя будут пытаться. Это страшно есть. Боль вытерпеть трудно, но можно. Вспоминай – человеку всегда что вспомнить есть! Пусть ты будешь отдельно, боль – отдельно. И тогда ты победишь, маленький глупый Войча!»

Войчемир усмехнулся – наставник прав и в этом. Человеку всегда есть, что вспомнить. Здесь, в сыром порубе, Войча часто вспоминал Ольмин, вспоминал отца, мачеху, приятелей, с которыми вместе пировали и ходили в походы. Но такое мог вспомнить каждый. У него же есть тайна – его тайна, которую довелось узнать в мертвом Акелоне. Братан Рацимир, конечно, считает себя семи пядей во лбу, его же, Войчу – теленком, о которого не хочется кровавить меч. А дядя – покойный Светлый – думал иначе. Все-таки он послал в Акелон его, Войчемира! И теперь лишь они с Ужиком знают о Зеркале, Двери, Ключе...

Войче представилось лицо Светлого – такое, каким он видел его в последний раз. Что бы он сказал дяде, доведись им встретиться сейчас? Если б это случилось сразу по возвращении, Войча наверно бормотал бы что-то невнятное про нав и Змеев, а затем толкнул бы вперед Ужика, дабы тот объяснил все путем. Но теперь разговор получился бы другим. Он сказал бы Светлому...

Войчемир закрыл глаза, и ему почудилось, что дядя слышит его. Ведь души не покидают навсегда этот мир! Они возвращаются – с добром или с бедой. И разве может быть спокойной душа Светлого в Ирии, когда здесь, в Ории, началось такое! Может, дядина душа слышит его, Войчу? Если б он мог, он рассказал бы... Нет, вначале он сказал бы о другом. Ни разу они не говорили со Светлым о прошлом. Теперь бы – пришлось. Дядя убил его отца – и пусть их души рассудят Дий и Мать Сва! Но, если Рацимир не лгал, Светлый должен был убить и его, Войчу. Он не сделал этого. Он держал племянника подальше от державных дел, на многие годы услав в далекий Ольмин, затем сделал простым десятником – но все же оставил в живых и воспитал, как Кея. А значит, Войчемир ему обязан, а долги надлежит платить. Что он может сделать? Будь дядя жив, он сказал бы ему, что им с Ужиком удалось узнать тайну. Пусть не всю, пусть только краешек. Но уже и так ясно – это страшная тайна, недаром ее прятали так далеко, так надежно. Секрет, спрятанный где-то среди Харпийских гор, может быть полезен для державы – но может быть и опасен. Поэтому он, Войчемир сын Жихослава, ничего не расскажет ни о Двери, ни о Ключе. И не только из-за опасности – далекой, но грозной. Ключ – не железный и не медный. Ключ – человек, не ведающий о своей судьбе. Что станет с ним? Медный ключ могут сломать или выбросить. А что сделают с человеком? Поэтому он, Кей и наследник Кеев, ничего не скажет об этом. Ни сейчас, ни потом. Жаль, нельзя переговорить с Ужиком! Может,

и хорошо, что с дядей так и не пришлось встретиться. Хорошо, что Рацимир так ничего и не узнал. Лишь бы не проговорился Ужик – и не ошибся Патар...

Войча поднял голову, сообразив, что наступила ночь. В яме стало совсем темно – очень темно, как-то даже слишком. Невольно вспомнился Навий Лес. Хитрец Ужик уверял, что нежити не следует бояться – тогда она не тронет. В порубе нежить не встретишь, но все равно – в темноте было страшновато. Внезапно Войча понял, что спокойно рассуждает о нежити по той простой причине, что боль отступила. Она не исчезла, но все-таки стала меньше, свернувшись, словно улитка в раковине. Подействовало! Войча невольно возгордился и тут снова подумал о темноте. Почему так темно? Конечно, ночью и должно быть темно, но на этот раз в порубе действительно не видно ни зги...

Вопрос оказался непростым, зато можно вновь забыть о ноющей челюсти, пытаюсь решить неожиданную задачу. Войчемир вспомнил прошлую ночь. Тогда было светлее – ненамного, но все-таки можно разглядеть собственную руку. Откуда шел свет? Тут сомнений не было – сверху, где находилась стража. Очевидно, служивые имели светильник – масляный или попроще, куда заливают жир. Итак, в прошлую ночь, как и во все предыдущие, стражники сидели у люка, а где-то поблизости стоял светильник. Так и положено – ночная стража. Значит, сегодня...

Сердце екнуло, и Войча, не выдержав, вскочил, вглядываясь в темень, за которой скрывался люк. Конечно, это еще ничего не значит. Светильник могли разбить, масло выгорело, а нового в кладовой не оказалось...

Войчемир заставил себя рассуждать спокойно, словно речь шла не о нем, а просто о странном случае, который можно обдумать на досуге – от скуки, не более. Итак, он, Войча – начальник стражи. С ним еще двое, а то и трое, все они знают, что стерегут опасного преступника – очень опасного, который не должен бежать ни в коем случае, даже если на Детинец налетят Змеи. Поруб – обыкновенная яма, вырытая в обширном дворцовом подвале. Там темно, окон нет, значит страже ничего не видать. Светильника почему-то нет. Допустим, разбил недотепа-первогодок. Сидеть в темноте? А если неизвестные сообщники только того и ждут? А ежели злодей в яме вздумает подкоп рыть? Свет нужен обязательно! Хотя бы для того, чтобы разглядеть, кто придет в полночь – смена или заговорщики с секирами наготове. И кроме того, страшно! Поди посиди час-другой в полной темноте!

Итак, свет должен быть. Если нет масла, зажгут с полдюжины лучин. Хотя, что значит – нет масла? Это в Кеевых-то палатах? Вздор, чушь, ерунда!

Ответ оказался прост, и от этой простоты у Войчи захватило дух. Света нет потому, что его не стерегут! Пьяна ли стража, опоздала смена, случилось что-то еще – но сейчас, в этот миг, Кеевы кметы забыли о нем!

Войча постарался успокоиться. Случиться могло всякое. Может, пожар? Но он не слышал криков и не чуял запаха гари. В Детинец ворвались кметы брата Сварга? Но стража не должна бросать пост. Скорее, в этом случае люк откроется, и в него кинут пару копий – для верности. Не пожар, не война – так что же?

Оставалось одно – ждать. Если наверху будет тихо и через час, и через два, можно подумать о чем-то еще. Например о том, что бревна сруба изрядно расшатаны, и при некотором везении одно из них можно выломать. Выломать, приставить к стене...

Щека по-прежнему ныла, но Войча даже не чувствовал боли. Время шло медленно, страшно медленно, но все же шло. Скоро полночь, а там – смена стражи. Если стражу не сменят...

Войчемир сидел, прижавшись к холодной стене, время от времени покусывая большой палец. Еще в детстве строгий дядька, тот, что воспитывал его до Хальга, изрядно лупил своего питомца по рукам за дурную привычку. Войча каждый раз соглашался, что негоже потомку Кея Кавада грызть пальцы, но привычка оказалась сильнее. Минуты текли одна за другой, наверху

было тихо, и Войча принялся гадать, наступила ли полночь. Он неплохо умел чувствовать время, к тому же долгие недели в порубе приучили к строгому ритму жизни узника. Но Войчемир не спешил – ошибиться нельзя. Если он попадется, стража может и вправду ткнуть сгоряча копьем, а то и надеть на шею деревянную кангу. С дубовой колодой на шее будет совсем невесело. Значит, ждать, ждать, ждать...

Слух, ставший внезапно необычно острым, улавливал потрескивание старого дерева, скрип и даже далекое завывание ветра. Очевидно, дверь в подвал отворена, и Войча тут же отметил эту странность. Дверь обычно запирали, каждый вечер он слышал скрежет засовов. Смена, приходившая в полночь, стучала, к двери подходил старший кмет, спрашивал тайное слово и лишь после этого отворял. Значит, и тут не порядок. И это тоже хорошо...

Наконец, все сроки прошли, и Войчемир понял – смены не будет, стража наверху молчит, значит – пора. В порубе стояла крошечная темень, но нужное бревно найти оказалось легко. За эти недели проклятая яма была изучена досконально – пядь за пядью. Войчемир помянул заступницу Сва и просунул пальцы в щель. В полной тишине треск прозвучал оглушительно, и Войча невольно замер. Но наверху молчали. Оставалось помянуть Дия вместе с каранью и рвануть что есть сил. Есть! Старое дерево, изрядно трухлявое и подгнившее у основы, не выдержало.

Пальцы быстро ощутили бревно. Короткое, слишком короткое! Но если прислонить его к стенке и забраться наверх, пальцы все-таки достанут до люка...

И тут послышались шаги. Они были далеко, у входа в подвал, но Войчемиру показалось, что над самым ухом прогремел гром. Спихнулись! Все-таки спихнулись! Эх-ма, не повезло!

Бревно тут же очутилось не прежнем месте. Войчемир поспешно присел у стенки и замер. Пусть смотрят! Нет, надо еще опустить голову – он спит, он устал, голоден, у него не осталось сил...

Шаги были уже близко, но Войча вдруг сообразил, что они звучат совсем иначе, чем обычно. Кметы громко топали сапогами. Теперь же шаги были легкими, быстрыми, да и шло не четверо, как обычно, а всего двое. К тому же эти двое не шли, а бежали. И надежда, уже угасшая, вновь заставила екнуть сердце. Все идет не так! Что-то должно случиться! Нет, уже случилось!

Сквозь темень мелькнул неровный колеблющийся свет. Те, что пришли, зажгли светильник и теперь стояли у самого края. И вот послушался скрежет – край люка начал медленно отодвигаться...

– Дядя Войча! Дядя Войча! Ты жив?

Сердце вновь дрогнуло – голос был знаком. Более того, если Войчемир и мог надеяться на кого-то, то именно этот человек стоял сейчас у люка, чуть склонившись вниз.

– Дядя Войча! Дядя Войча!

– Я здесь, Мислотор! – Войчемир попытался ответить как можно веселее, и это удалось без труда. Племян Мислотор! Все-таки вспомнил! Ну, молодец парень!

– Здесь... Лестницы нет, у нас только веревка...

Войча понял. Сыну Рацимира всего двенадцать, ему не вытащить здорового верзилу, хотя и порядком исхудавшего на воде и лепешках. «У нас!» Интересно, кто с ним?

– Привяжи! Там балка! Завяжи двойным узлом...

Наверху прозвучало растерянное: «Где?», а затем радостное: Ага! Вижу! И тут над ямой склонился кто-то другой – в темном капюшоне, закрывавшем лицо:

– Войча! Как ты там?

Кледа! Сестричка Кледа! Войчемиру стало совсем весело. Наконец-то все становилось на свои места!

– Нормально, сестричка! Зубы только замучали, – охотно откликнулся Войча, заранее жалея, что Кледа и племяш увидят его похожим на лесного чугастра. – Чего там?

«Там» звучало неопределенно, но умница Кледа поняла:

– Брат уехал к хэйкану. Вчера. Все спят...

– Понял...

Конечно, понял Войча далеко не все. Рацимир уехал – это ясно. Но почему все спят? Упились, что ли?

Переспрашивать он не стал. Веревка – толстая, скрученная из прочной пеньки, скользнула на самое дно, и Войчемир тут же обхватил ее ладонями. И-и раз! Ноги уперлись в мокрые доски, веревка натянулась, но выдержала, и Войча взлетел наверх, словно подгоняемый самими Косматым. Ноги нащупали доску, ограждавшую край ямы, и тут же четыре руки потащили Войчемира подальше от черной дыры поруба.

– Войча! Дядя Войча! Живой!

На Мислоборе была легкая рубашка, зато голову украшал огрский шлем, скрывавший черные, как у отца, кудри. Пояс оттягивал короткий скрамасакс. Выглядел парнишка весьма воинственно, и Войча не утерпев, поднял племяша за плечи:

– Ух! Тяжелым стал!

С непривычки держать такую ношу было и вправду нелегко, но Войча все-таки раскачал племянника, подбросил, поймал и осторожно поставил на землю.

– Войчемир!

Кледа стояла рядом – маленькая, едва достающая Войче до плеча. Девочка родилась горбатой, и с годами ее невысокая фигурка все более сгибалась, словно на узких плечах лежал страшный, неподъемный груз. Кледа часто болела, и братья знали, что младшей сестричке едва ли придется дожить до двадцати. Ее любили все – даже Сварг, даже Рацимир.

– Ты... Не надо меня целовать! Я... Я грязный... Очень грязный!

Войче вновь стало стыдно. Чугастру хоть не мешали умываться! Матушка Сва, ну и чудическим он стал!

– Я... Я одежду принесла! – Кледа улыбнулась и подтащила тяжелый мешок. – Рацимирова! Тебе впору!

– Вода! Вода здесь есть?

Войча схватил светильник, поднял его повыше и, заметив неподалеку огромную деревянную бочку, поспешил туда. Грязная, застывшая влажной корой рубашка полетела в сторону, Войча с фырканием погрузился в воду по пояс, застонал от наслаждения, и тут же замер. Стража! Он тут водичкой балуется...

Войчемир помотал головой, стряхивая капли, обернулся – и невольно присвистнул. Стража никуда не делась, все трое кметов были здесь – мирно спящие на соломе. Оружие лежало рядом, тут же была расстелена холстина, на которой красовался недоеденный пирог...

– Дядя Войча! Возьми полотенце!

Оказываться, они позаботились даже о полотенце. Полотенце Войча взял, но сперва закинул подальше копьё и положил рядом с бадьей пояс с коротким скрамасаксом, снятый со старшего кмета. Вот теперь – умываться!

Наконец можно было вытереться и натянуть чистую одежду. Войча закутался в теплый плащ, застегнул золотую фибулу и прищелкнул языком. Хорошо! И ведь чья одежда? Братана Рацимира! Так-то, брат! Эх, теперь бы побриться!

– Тут еда... – Кледа протянула узел, и Войча почувствовал, как у него сводит живот. Но тут же опомнился – не время.

– Конь на дворе, – понял его Мислобор, – я открыл ворота...

– Пошли!

Все остальное можно было узнать по дороге. Уже у лестницы, ведущей наверх, к свободе, Войчемир не удержался и оглянулся назад. Стража спокойно спала рядом с черным отверстием поруба. Мелькнула и пропала мысль скинуть этих сонь вниз, на холодное песчаное дно. Ладно, им и так достанется!

Они шли – почти бежали – по темным дворцовым коридорам. Войчемир, все еще не веря, что жив и на свободе, старался внимательно слушать Кледу. Итак, вчера Рацимир уехал к хэйкану...

– Он боится, что Сварг договорится с Шету. Ведь Челеди...

Да, конечно, жена Сварга – родная сестра повелителя огров!

– Сварг со своими кметами стоит на старой границе. Рацимир послал войско, но боев еще не было. Может, договорятся...

– Ясно! – вздохнул Войчемир. – А остальные?

– Улад жив! – быстро проговорила сестра. – Он был ранен, но сейчас выздоровел. Он в Валине. А Валадар...

– Что с ним? – радость, что малыш Улад жив, вновь сменилась тревогой. – Он ведь бежал!

– Убили его... Говорят, бродники. Многие не верят, ведь бродники любили Валадара...

– Многие считают, что это отец, – в голосе Мислотора звучала боль. – Я его спрашивал...

Он сказал, что дядя Валадар хотел собрать войско... Дядя Войча, почему они так делают?

Сказать было нечего, хотя ответ ясен. Железный Венец! Венец Кеев, будь он проклят! Из-за него убит отец, Кей Жихослав, теперь смерть пришла к братану Валадару... Кто следующий?

Страшные вести не заставили забыть об осторожности. Войчемир то и дело поглядывал по сторонам. Но вокруг все спали – кметы, челядь, даже сторожевые собаки у дверей. Диво! Ведь так не бывает! Это же Кеевы Палаты!

– Он так и говорил, – Кледа поняла, о чем думает брат, – мол, не бойтесь, вечером все заснут...

– Кто?! – Войчемир даже остановился. Выходит, сон-то непростой!

– Рахман какой-то. У него имя странное. То ли Уж, то ли Ужик...

Войча чуть не захохотал, но вовремя сдержался, закрыв для верности рот ладонью. Ну, Ужик! Ну, заморыш! Не стал мелочиться – усыпил весь дворец, а то и весь Савмат. А что, с него станет!

– Он позавчера приходил. – добавил племянник, – Серьезный такой, плащ черный...

Войче вновь захотелось рассмеяться, но он коротко бросил «Ясно!», решив, что обсудить случившееся сможет позже – вместе с Ужиком. Впереди была дверь, за нею – задний двор, тот самый, откуда они с заморышем отправились в Акелон.

– Я коня у ворот привязал, – Мислотор кивнул в темноту. Войча хлопнул паренька по плечу и ускорил шаг. Все потом! Сейчас на коня – и подальше отсюда.

– А вы? Вы-то как?

Страшная мысль заставила замереть на месте. Рацимир скоро вернется. Мислотор – его сын, Кледа – сестра, но и Валадар, и сам Войча – не чужие!

– Думаешь, я боюсь? – грустно улыбнулась девушка. – Чего мне бояться, Войчемир? Да и не тронет он меня. Кеи не убивают сестер...

– А я ему сам скажу! – Мислотор резко мотнул головой, отчего шлем съехал на правое ухо. – Пусть меня в поруб посадят! Пусть один останется! Совсем один!

– Ты не скажешь! – Кледа обняла племянника и поправила шлем. – Мы с Мислотором этой ночью спали – как и все. И пусть Рацимир думает, что хочет!

Войча задумался, решив, что сестричка права. Набольший брат – не зверь и не безумец. Просто он делает то, что когда-то делали его отец, его дед, прадед и прапрадед...

– Ладно! – Войча вздохнул и, притянув к себе Кледу и племянша, крепко прижал обоих к груди. – Поеду! А вы это... спать идите!

– Далеко ли собрался, маленький глупый Войча?

Руки похолодели. Войча сглотнул и медленно-медленно, все еще надеясь, что ошибся, обернулся. Кто-то высокий, худой, широкоплечий стоял в воротах, небрежно опираясь на громадный двуручник.

– Хальг...

– Ай-яй-яй! Нехорошо есть! – голос Лодыжки звучал холодно и насмешливо. – Глупые кметы решили поспать, а глупый Войча – чуть-чуть убегать и немножко обманывать старого злого Хальга! Маленький Войча хочет, чтобы старого Хальга выгнали, как паршивого пса?

Сканд не двигался с места, но Войчемир знал – не убежать. Лодыжка... Ну конечно, он ведь служит Рацимиру!

– Бедный старый Хальг плохо спит. Бедный старый Хальг не боится сплотских колдунов. Не бойся и ты, маленький и очень глупый Войча, Хальг не выпустит тебя! Старый Хальг теперь – палатин Светлого. Кей Рацимир платит мне много серебра, и я хочу получать его и дальше. Иди назад, в свою яму, глупый Войча!

Надежды не было. Рацимир знал, кого назначить палатином – оберегателем дворца. Хальг служит Кеям – за серебро, за полновесное сплотское серебро.

– Хальг! – голос Мислора прозвучал резко, совсем по-взрослому. – Я – сын Светлого. Пока отца нет, я – главный...

– О, нет-нет, Кей Мислор! – сканд покачал головой и вновь усмехнулся. – Когда ты станешь Светлым, то сможешь приказывать старому злему Хальгу. Но сейчас не тебе отдавать приказы. Чего стоишь, глупый Войча? Иди назад, в свою яму!

– Хальг, сжался! – Кледа шагнула вперед. – Брат убьет Войчемира! Ведь ты знаешь!

– Прости, добрая Кейна! – Лодыжка поклонился и вновь мотнул головой. – Я ведь тоже люблю глупого маленького Войчу! Но ты можешь быть доброй, а старый Хальг должен быть злым! Когда конунг велит умирать, воин обязан не думать, а идти на пир в Золотой Дворец.

– Тогда проводи меня, наставник!

Войчемир осторожно отстранил Кледу и достал меч. Жалкий скрамасакс против двуручника – просто смешно. Но чтобы умереть с оружием в руках, годился и скрамасакс.

– Я не вернусь в поруб, наставник! – Войча усмехнулся, как учил его когда-то Хальг и медленно расстегнул фибулу, чтобы длинный плащ не мешал двигаться. – Убей меня – я здесь!

– И меня тоже! – Мислор выхватил меч и стал рядом с дядей. – Убей меня, палатин! Я не умею драться – ты это знаешь! Но я Кей, сын Светлого, и отец заплатит за мою голову много серебра! Так много, что тебе даже не унести! Бей, Хальг! Сокол!

Войче стало страшно. Не за себя – тут все ясно. Но парнишка не должен пострадать! Это его, Войчемира, бой!

Плащ упал на землю. Войча встал в стойку, пытаясь вспомнить, чему учил наставник. Очень давно, много лет назад, он спросил у Хальга, что делать, когда у тебя скрамасакс, а у врага – двуручник. Хальг долго смеялся: «Что? Очень-очень быстро убегать! И даже еще быстрее!» Но сейчас убегать некуда...

Лодыжка стоял неподвижно, словно не видя Войчи, затем тяжело вздохнул:

– Два могучих Кея против одного старого Хальга! Маленький Войча хочет убить Хальга, который много-много лет вытирал его грязный нос! Вы убьете меня, и я не увижу свой гардар, не постою у могилы отца, не построю дом, чтобы, мирно, на склоне лет, уйти в Золотой Дворец! И это мне за долгую-долгую службу вашей очень великой Ори!

Войча знал – вояка шутит. Менее всего сканд собирался умирать от старости на берегу родного фиорда. Смерть для таких, как Хальг, могла быть единственной – в бою, с мечом в руках. Но шутка звучала страшновато. Чтобы убить Войчу, Лодыжке нужно лишь один раз взмахнуть двуручником, в крайнем случае дважды – для верности.

– Ты не хочешь пожалеть меня, маленький Войча? – Халыг отступил на шаг и положил меч на землю. – Нет, нет, не убивай меня, грозный страшный Кей! Пощади старика! И ты, добрая Кейна, попроси для меня пощады!

В голосе сканда по-прежнему звенела насмешка, но Войча внезапно увидел – путь свободен! Халыг отошел в сторону, его страшный меч лежит на земле! Все еще не веря, Войчемир шагнул ближе, затем еще... Халыг глядел куда-то в темное, затянутое тяжелыми облаками небо, длинные мускулистые руки были сложены на груди. И Войча, наконец, понял.

– Спасибо, наставник!

Сканд покачал головой:

– Старого злого Халыга выгонят прочь! И мне не на что будет купить кусок лепешки, когда я вернусь в свой гардар!

– Халыг, я... – начал Мислобор, тоже сообразивший, что к чему, но Лодыжка махнул рукой:

– Молчи, Кей! В вашей Ории не хватит серебра, чтобы подкупить старого Халыга! Просто старый Халыг не смог задержать двух свирепых воинов с длинными мечами. Я долго-долго бился...

Войчемир, не выдержав, шагнул к наставнику и крепко обнял. Но сильный толчок тут же отбросил его назад:

– Беги, беги, маленький глупый Войча! Спасай свою глупую пустую голову, пока другие глупые головы крепко спят! Уноси ноги! И не вздумай сунуть свой грязный нос на восход – все дороги перекрыты. Беги в лес, к рыжему Сваргу. Может, тебе немножечко повезет...

Мислобор был уже рядом, держа в поводу коня – черного как смоль, как эта холодная осенняя ночь. Подбежала Кледа, подала упавший плащ, сунула в руки мешок с едой, и Войчемир поспешил вскочить в седло. Он был уже готов ударить коня каблуком, но все-таки не удержался и поглядел назад. В темном проеме ворот стояли трое – те, кому он обязан жизнью... Войча вздохнул и, крикнув: «Эй! Пошел!», пустил вороного галопом – к почти не приметной во тьме кромке близкого леса.

Дорог было много, еще больше – тропинок, которые вели во все стороны света. Главная дорога, по которой они ехали с Ужиком, вела на полдень, к Змеям, и дальше – к морю. Можно свернуть на восход, к переправе через Денор. За Денором – огры. Был путь в обход Савмата, на полночь, к сиверам. И, наконец, одна из дорог вела к волотичам, на закат.

Войчемир, отъехав подальше и остановив вороного у знакомого перекрестка, возле которого косо торчал из земли старый деревянный идол, слез с седла и присел на лежавшее у обочины бревно. Следовало подумать. Занятие было не из легких. Альбиры, как твердо усвоил Войча, обязаны не рассуждать, а выполнять приказы. Но к этому случаю данное правило явно не относилось. Впрочем, нет. Приказ был – наставник не велел ехать на восход. Огры! Снова огры!

Войча чувствовал, что творится нечто странное. Причем здесь степняки? Он с детства помнил, что огры, точнее «злые огры» – это те, кто каждый год переходит Денор, нападает на села и города, сжигая, убивая, угоняя полон. С ограм – «злыми ограм» – надлежало биться не на жизнь, а на смерть, совершая при этом подвиги. То, что со степняками заключен мир, лишь отдаляло угрозу. И даже женитьба брата Сварга на сестре хэйкана объяснима – ради все того же мира. Но что же происходит сейчас? Допустим, злые огры решили напасть, пользуясь смутой. Но почему Халыг думает, что он, Войча, будет искать спасения у хэйкана? И Рацимир так думает, недаром стражу на дорогах выставил! Отчего это ограм помогать Войче?

Но тут вспомнилось путешествие через огрскую степь. Огры вовсе не казались «злыми» – славные парни, лихие наездники, а уж из лука как стреляют! И к Войчемиру они отнеслись не просто хорошо, а даже очень. Тай-Тэнгри, великий шайман, перед которым робел даже невоз-

мутимый Ужик, был приветлив, угощал кислым кобыльим молоком, расспрашивал о жите-бытье и... об отце. Точно! И посланец, привезший подарки от хэйкана, тоже вспоминал Жихослава! А ведь покойный Кей всю свою недолгую жизнь воевал со степняками! Значит, дело в отце! Недаром Рацимир тоже поминал Жихослава! Выходило так, что все беды Войчи связаны с тем, что он сын давно погибшего Кея. Из-за этого его хотят убить. Но и огры готовы помочь тоже из-за отца! Как же так?

Войча понял – самому не разобраться. Но и спросить некого – не Рацимира же! Но к ограм путь закрыт, Лодыжка зря бы не предупреждал...

Войчемир взглянул на покосившегося идола, чья личина кривилась в темноте мрачной усмешкой, и решил, что на восход путь заказан. На полдень, к бродникам? Но кто он им? Бедняга Валадар – и тот не спасся, а ведь его своим считали! Да и добираться далеко – это уж Войча помнил.

Оставался закат и оставалась полночь. На полночи жили сиверы, которыми когда-то правил отец. Туда бы и ехать, но сам Войча бывал у сиверов лишь в детстве. Признают ли? Да и что ему делать там? Прятаться? А если братан Рацимир кметов пошлет? Войско собрать? Да кто пойдет за ним, беглецом! Вот ежели б Войча имел право на Железный Венец, разговор пошел бы иной. Но это значит – воевать с братьями! Нет, ни за что!

Оставалось ехать на закат. Там были волотичи, которые по слухам бунтовали против братана Сварга. Сам Сварг недалеко – на старой границе, и не один, а с войском. Значит, туда?

Войча встал, потянулся и уже собрался сесть в седло, когда новая страшная догадка заставила похолодеть. А если братан Сварг поступит так же, как Рацимир? Вдруг Войча помешает и ему? Брат резал брата, и отчего рыжему быть милосерднее черноволосого? Они со Сваргом друзья, можно сказать – лучшие, но вдруг...

Страх сменился растерянностью, растерянность – ожесточением. Ну и пусть! Из всей семьи Войчемир больше всего верил Сваргу, и если тому понадобится его жизнь – значит, искать больше нечего. Он лишь попросит рыжего рассказать – за что. Сварг не откажет – все-таки друзья!

Окрестности Савмата Войча знал неплохо, а потому решил не ехать на закат главной дорогой. Мало ли кто по ней ходит? И погоня помчится, конечно, по самому удобному пути. Войчемир выбрал тропку поуже и поплотнее. Она вела как раз на закат, а то, что ехать придется чащобой, было даже лучше. Лишний день пути, даже два или три – ерунда. Есть конь, есть оружие, даже еда – чего еще нужно?

...Войчемир ехал до утра, а затем выбрал место поглуше, привязал вороного и устроился под огромным старым вязом, чтобы поспать несколько часов. Лазутчики и беглецы пробираются по ночам, днем же лучше отдыхать. Правило старое – и надежное. Одно плохо – ночью легче сбиться с пути, но Войча надеялся, что тропа все-таки приведет его к старой границе.

Войчемир проснулся после полудня, отдохнувший и голодный. Провизии в мешке оказалось не очень много, но зато там было копченое мясо, и Войча с наслаждением вонзил зубы в самый сочный кусок. Странно – зубы перестали болеть. Разве что слегка ныли, но это казалось сущей ерундой. Поев, Войча наконец-то почувствовал себя человеком, лишь неопрятная борода слегка его смущала. Но с этим можно подождать, не бриться же плохо заточенным скрамасаксом!

В холодном осеннем лесу было тихо. Даже птицы исчезли – не иначе, как рассказывают старики, улетели в далекий Ирий. До темноты было далеко, но Войча решил рискнуть. Он выехал на тропу и не спеша направился на закат.

Вокруг все было желтым и красным – осенняя листва покрывала землю. Среди желтых крон странно смотрелись редкие темно-зеленые пятна старых елей. Несколько раз тропу пересекали зайцы, из чащобы выглянул могучий лось, и Войчемир понял, что заехал в самую глушь,

где зверье все еще непуганное, не боящееся человека. Это порадовало. Правда, а такой чаще можно встретить не только зайцев, но даже навы теперь не казались опасными. Страшно, конечно, но не страшнее сырого поруба. Вот люди – этих действительно следовало опасаться.

Избушку, точнее небольшую полуземлянку, едва выглядывавшую из-под кучи старых листьев, покрывавших черные доски крыши, Войча заметил уже под вечер, когда начинало смеркаться. Домишко стоял посреди поляны, тропа проходила чуть в стороне, и Войчемир наверняка проехал бы мимо и не заметил, если бы не пожелтевший медвежий череп, торчавший на колу. Такие черепа обычно украшали жилища охотников, а вот лошадиных следовало опасаться – того и гляди нарвешься на кобника, а то и чаклуна. Войча придержал коня и огляделся. Возле дома пусто, не дымила небольшая печь-каменка, пристроенная слева от входа, да и выглядела поляна как-то весьма заброшенно. Сразу же вспомнилась другая поляна и скелет на пороге старой избушки. Впрочем, теперь следовало опасаться живых, а не мертвых. Мертвецы едва ли поспешат в ближайшее село с изветом о беглеце, проехавшем мимо их избы.

Подумав, Войча решил разобраться и с домом, и с его обитателями. Но, подъехав ближе, понял – разбираться не с кем. Дом был пуст. Полусорванная дверь косо висела на одной петле, а из темного входа несло сыростью и плесенью. Внутри стояла лавка, на земляном полу валялось несколько мисок – глиняных и берестяных, а в углу лежала ложка. Больше в доме ничего не оказалось, за исключением скелета – но не человеческого, а собачьего.

Итак, домишко был брошен, и брошен давно. Можно спокойно ехать дальше, тем более ночевать в подобном месте не тянуло, но Войчемир решил отдохнуть пару часов и заодно дать попасть коню. Впереди – ночь, лишняя привал не помешает...

В дом заходить он не стал, устроившись у печурки. Щепок хватало, и вскоре огонь весело лизал старые потрескавшиеся камни. Войчемир пожалел, что бывшие хозяева не оставили мешочка сухого липового цвета или хотя бы рябины – теплый напиток пришелся бы кстати. Оставалось просто подогреть воды, тем более ручей был совсем рядом, шагах в сорока.

Огонь пылал вовсю, рассеивая вечерние тени, в миске кипела вода, и брошенный дом внезапно показался даже уютным. Невольно подумалось, что своего дома у Войчи не было уже много лет, с того дня, как погиб отец. Терем в Ольмине, Кеевы Палаты – все это чужое, временное. Впрочем, остальным Кеям приходилось жить так же. Сегодня – Савмат, завтра Коростень, послезавтра – Валин или Тустань. Это не считая, что половина жизни проходит в седле. Даже Светлому – и тому не легче. Кеевы Палаты – дворец, крепость, сердце державы, но уж никак не родной дом.

Впрочем, не ему, альбиру, тосковать об уютном доме. Халыг просто посмеялся бы над такими мыслями. «Мой дом на двух ногах есть, » – сказал как-то суровый сканд, и Войча запомнил эти слова. Да, его дом тоже на двух ногах да на четырех копытах. Жаль только, под домом не земля и даже не песок, а трясина...

Шум Войча услышал издалека. Два месяца в порубе не прошли даром – звуки воспринимались остро, сильно, и тут же сами собой рождались ответы. Где-то вдаль хрустнула ветка, затем еще, зашелестела листва, а Войча уже знал, что кто-то идет лесом, один, и это наверняка мужчина, причем крепкий и рослый. На миг вернулся страх, но Войчемир вспомнил, что на поясе висит меч, рядом достаточно поленьев, которые вполне сойдут за дубину, и успокоился. Стало даже любопытно, кого несет на ночь глядя, да еще не по тропе, а через чащу? Не иначе охотник, решивший заночевать в пустой избушке. Вот только шел охотник странно – таким шумом можно распугать половину леса.

Прятаться Войчемир не стал. Меч лежал под рукой, рядом пристроился толстый обрубок полена, оставалось ждать. Шум был уже близко, слышны были даже шаги и тяжелое дыхание – не иначе охотник толст и страдает одышкой. И вот не противоположном краю поляны шевельнулись кусты. Войча без особого любопытства всмотрелся и сквозь вечерний сумрак различил

высокую – повыше Хальга – фигуру. Тот, кто вышел на поляну, был широкоплеч, сутул, имел очень длинные руки и большую ушастую голову. И тут Войча понял, что зря обратил внимание на медвежий череп, зря решил остаться на поляне и уж совсем напрасно не кинулся наутек при первом же шорохе. Он не ошибся – перед ним был охотник, да только непростой. С таким ушастым здоровяком он уже виделся, хотя и не здесь. У того была такая же густая шерсть, такие же глаза – черные, блестящие, и, конечно, когти, огромные, поболее медвежьих. Только теперь рядом не было Ужика, который мог пискнуть мышью и отправить косматое чудище за орехами. Войча боялся людей, но бояться следовало и кое-кого еще. Например, чугастра – лесного страшилища, которое теперь не торопясь шло к ярко горевшей печурке...

Меч был уже в руке. В этот миг скрамасакс показался как никогда коротким – ножик, а не меч. Но выбирать не приходилось. Войчемир прикинул, что поленом можно швырнуть прямо в лоб ночному гостю. Если у твари не хватит ума увернуться, можно будет сделать выпад – один, зато точный и смертельный, прямо в косматую грудь.

Чугастр был уже рядом, и Войче вспомнилось, как он испугался в тот далекий уже летний день. Странно, но теперь, хотя рядом не было Ужика, страх почти не ощущался. Тогда повезло, может повезет и сейчас? Тем более, чугастр вел себя вполне мирно. Косматая громадина смирно стояла, чуть склонив ушастую голову, словно не решаясь поглядеть человеку в глаза.

– И чего? – не выдержал Войчемир. – Так и будем молчать?

Собственные слова тут же показались верхом глупости. Не ждал же он, чтобы чудище заговорило по-сполотски! Но тут случилось то, чего ожидать и вовсе не приходилось. Чугастр дернулся, отступил на шаг и внезапно поклонился – низко, чуть ли не в пояс.

– А-а-а... – только и протянул Войча, но опомнился и важно кивнул в ответ. Неужели чудище признало его, урожденного Кея? Да нет же, Ужик просто смеялся над ним, говоря подобную чушь. Зверюге все одно, что Кей, что альбир, что последний бродяга. Но ведь кланяется! Выходит, что – уважает?

– Чолом! – Войча нахмурился, словно перед ним был не чугастр, а обычный лесовик-охотник, осмелившийся побеспокоить Кея. – И чего это тебе, косматому, дома не сидится?

Чудище заворчал, лапа с огромными когтями несмело протянулась вперед, указывая на избушку.

– Ты там что, спать собрался? – поразился Войча. – Да ты и в дверь-то не войдешь!

Это было истинной правдой, но чугастр отреагировал странно. Лапы обхватили ушастую голову, послышался странный звук – чудище выло, стонало, чуть ли не плакало.

– Ты чего?

Стало ясно – никто Войчей ужинать не собирается. Гость оказался смирным, более того, явно не в духе. Может, болен? Войчемир поглядел внимательнее и невольно отметил, что его прежний, летний, знакомец выглядел как-то иначе. И ростом, вроде, похож, и статью, да только тот был явно сам себе хозяин, этот же словно виноват в чем-то.

Чудище еще немного повыло, затем когтистая лапа вновь указала на домик. Затем длинные черные пальцы сложились в кулак. Бум! Лапа что есть силы врезалась в широкую грудь.

– Не понял! – строго заметил Войча. – А ну-ка еще раз!

Трудно сказать, чего именно он ожидал, но чугастр повторил все в точности. Лапа протянулась вперед, затем – бум! – и вновь долгий тоскливый вой.

Войча вздохнул, отложил меч в сторону и понял, что придется разбираться. Зверюга явно все понимала и даже пыталась что-то сказать. Но что?

– Ты чего? Хозяина съел?

Вой – на этот раз обиженный и совсем жалкий. Бум! Бум! Бум! Огромный кулак бил в грудь с такой силой, что стало поневоле страшно за ребра под мохнатой шкурой. И тут до Войче что-то начало доходить.

– Это... Этот дом... Никак, твой?

Чугастр взревел, сел на желтую, пожухлую траву и снова завыл, раскачиваясь из стороны в сторону. Отблеск огня упал на страшную черную морду, и Войча заметил в круглых глазах чудища слезы.

– Ты это... Не надо! – Войча совсем растерялся. Ежели чугустр и вправду тут не гость, а хозяин, то отчего дом так мал? Почему все в таком запустении? И главное – чего плакать-то?

Между тем чудище медленно встало, вновь ткнуло длинной лапой о направление к избушке, а затем принялось что-то лопотать, совсем как человек, только слов не разберешь. Лапа указывала то на небо, то на подступивший к поляне лес, то вновь на избушку. И Войчемира посетила странная и жутковатая мысль. Ведь он слышал об этом! Давно, краем уха, но слышал!

– Ты... Ты человеком был, да?

Тоскливый вой, быстрый кивок, затем еще один – сомнений больше не осталось. Войча вздохнул, страх исчез, на смену ему пришла жалость. Это надо же, чтоб так не повезло! Жил себе лесовик, на охоту ходил, топил печурку...

– Заколдовали?

Именно об этом Войча и слышал. Кобники, что в лесах живут, говорят, мастера на такие выдумки. Поссорятся с соседом, и глядь, тот уже на четырех лапах бегаёт. Или в шерсти да с когтями бродит, людям на страх.

Чугастр покачал головой. Оставалось удивиться.

– Так как же? Не оборотень же ты!

Вновь послышался вой. Чудище вскочило, замотало головой, затем махнуло огромной лапой и безнадежно вздохнуло. И Войчемир сообразил, что попал в точку.

– Оборотень, значит? Превратился... А назад не можешь, так?

Выходило, что именно так. Из стонов, мычания и мелькания лап Войча уловил, что хозяин избушки жил тут много лет, но внезапно – и совершенно неожиданно – случилась эта напасть. Оставалось поинтересоваться, ходил ли бедняга к знахарю, к кобнику, к чаклуну, наконец. Из горестных воплей и кивков стало ясно, что и к знахарю ходил, и к кому-то еще, очень серьезному, но толку не было. Уже просто из сочувствия, Войча принялся спрашивать, давно ли подобная беда случилась. Выяснилось, и довольно быстро, что чугустром лесовик стал два года назад, и с тех пор бродит по лесу и горюет.

Войче стало не по себе, но одновременно он почувствовал немалый интерес. Выходит, чугустры – оборотни! Да еще не по своей воле!

Хотелось спросить и об этом, но не травить же душу бедолаге! Поэтому Войчемир решил действовать не прямо, а с подходом. Он поведал, что едет на закат и очень боится, что встретит в лесу чугустра, только настоящего. Нет ли тут и таких?

Вопрос дошел не сразу, но затем чудище поняло и согласно закивало. Получалось, что не все когтистые зверюги – оборотни, иные и от рождения такие. Более того, Войче показалось, что его странный собеседник хочет пояснить, будто некоторые из косматых легко превращаются в людей – и обратно. Ему же не повезло.

Выяснив для себя этот непростой вопрос, Войча уже подумывал, о чем разговаривать с бедолагой дальше, но чугустр встал, гостеприимным жестом указал на домишко, глубоко вздохнул и, поклонившись, медленно направился обратно в лес. Он шел, низко опустив ушастую голову, длинные руки со страшными когтями плетями висели вдоль могучего торса, и весь вид у бедняги был словно у холопа, которого только что выпороли, причем явно не за дело. Войча хотел крикнуть вслед, чтобы тот не отчаивался, искал иного чаклуна, поспособнее, а то и к рахманам обратился, но в последний момент прикусил язык. Легко давать советы! Это все равно, если бы стражники от душевной доброты посоветовали бы ему, Войче, покрепче помолиться Дию Громовику и Сва-Заступнице – авось вызволят!

Пора было ехать, темная осенняя ночь вступила в свои права, и Войча неохотно стал собираться. Странная встреча не выходила из головы. Почему-то вспомнилась пещера среди черных скал, и огромные кости на каменном полу. Может, и волаты были вроде чугастров? Уж больно кости на человеческие не походили. Вроде, и руки две, и ноги, и голова на месте, но все какое-то другое. И Войчемир в который раз пожалел, что рядом нет Ужика. Тот бы пояснил. Или у своего Патара спросил, тот уж точно знает...

Тропа вела прямо на закат, ночной лес был тих и спокоен. Никто, ни человек, ни зверь, не пытался задержать Войчемира. И конь попался подходящий, со спокойным норовом, совсем не похожий на беднягу Басаврюка. Вначале Войча постоянно оглядывался, останавливался, услышав самый неприметный шорох, но постепенно осмелел, поверив в удачу. Места были и вправду глухие, глуше не бывает, а погоня ушла стороной. Братан Рацимир явно дал маху. Войча то и дело представлял себя на месте брата. Куда бы он послал погоню? Уж конечно не на закат! Чернобородый не верил никому и, похоже, даже представить не мог, что беглец будет пробираться к Сваргу. А если и послал десяток кметов, то, конечно, по главной дороге.

Куда именно ехать, Войчемир не знал, но это не очень беспокоило. Старая граница лежала за Супицей, неширокой речкой, отделявшей землю сполотов от волотичей. Значит, достаточно перебраться через Супицу и найти первое же село. А там будут знать, где войско наместника. Правда, имелись еще какие-то бунтовщики, но Войча был уверен, что братан Сварг давно разделался с ними.

Два дня прошли спокойно. Ночами Войча ехал, днем отдыхал, а тропа была пуста, даже чугастры не встречались. А на третий день, точнее на третью ночь, Войчемир увидел Супицу. Речка оказалась такой, как он себе представлял – узкой, тихой, окруженной склонившимися к воде вербами. Ни моста, ни лодки поблизости не нашлось, да Войча и не стал искать переправу. Берег был твердым, дно – песчаным, и он перешел реку вброд, сняв для верности сапоги и ведя вороного на поводу. Вскоре он был уже на том берегу, где следовало остановиться, надеть сапоги и как следует подумать.

Прежде всего тропа, приведшая его в речке, на другом берегу расходилась, причем не надвое, а натрое. Тропы были разные, две узкие, одна – пошире, больше напоминавшая небольшую дорогу. Случись такое на том берегу, Войчемир выбрал бы самую неприметную тропинку, но здесь, во владениях Сварга, решил ехать по дороге. Чем дорога шире, тем ближе обитаемые места. И ехать теперь следовало не ночью, а днем – быстрее людей встретишь. Посему Войчемир решил как следует отдохнуть прямо у реки, а с солнцем пуститься в путь.

Он не ошибся. Уже через пару часов дорога привела напрямик к небольшому селу. Войча обрадовался, но, как выяснилось, равновато. Село – семь полуземлянок и один дом получше – оказалось пустым, брошенным, причем совсем недавно. Оставалось развести руками и ехать дальше в надежде встретить кого-то из местных обитателей. Должны же они знать, где Сварг!

Где-то через час Войча ощутил странную вещь. Одиночество исчезло. Лес был по-прежнему пуст, пуста дорога, но с каждой минутой неприятное ощущение росло. За ним наблюдали – неприметно и очень осторожно. Ошибиться было трудно, Войча не раз испытывал такое в ольминских лесах и каждый раз все кончалось схваткой с вопящей, разъяренной есью. Но здесь-то еси нет! Оставалось вновь удивиться и ехать дальше, надеясь, что все скоро разъяснится.

Выяснилось все и вправду скоро – у ближайшего перекрестка. Еще издалека Войчемир приметил странное движение за ближайшими деревьями. Впрочем, не очень и странное – кто-то не слишком умело прятался. Разбойники? Войча погладил рукоять меча и усмехнулся. Станичников он не боялся, да и прятаться их могло не так и много, с полдюжины в крайнем случае. Но, может, это не станичники, а кметы братана Сварга? Это было бы очень к месту.

За десяток шагов до перекрестка Войча остановил коня и оглянулся, всем видом показывая: вижу, нечего прятаться! Ветки шевельнулись, и на дорогу вышел высокий парень в белой рубахе, поверх которой был накинут короткий плащ, какой носят кметы. Увидев на голове незнакомца сверкающий сполотский шлем, Войча тут же успокоился. Свои! Не иначе, застава, значит, войско братана Сварга рядом.

Парень окинул Войчемира внимательным взглядом, повернулся к густой стене леса и свистнул. И тут же на дорогу начали выбегать люди. Не полдюжины, даже не дюжина – больше. На некоторых светлой сталью сверкали знакомые сполотские доспехи, но большинство было в таких же белых рубахах и плащах. Оружия у вояк оказалось много, но какого-то странного. Мечей не было, вместо них парни держали копья и какие-то дивные топоры, чем-то похожие на броднищие. Войча удивился, но решил, что это ополченцы, которых братан отправил сторожить окрестные дороги.

Войчу окружили со всех сторон. Короткие копья угрожающе щетинились, лица казались суровыми и даже злыми. Парень в шлеме выступил вперед:

– Сполот?

Выговор был непривычный, и Войча понял – волотичи. Странен показался и вопрос, но удивляться было поздно. Войчемир приосанился и расправил плечи:

– Чолом! Я есть Кеев кмет. Альбир, значит.

Парни в белых рубахах переглянулись, на лицах появились кривые недобрые усмешки:

– Чо-олом! – протянул парень. – Альбир, говоришь? Так ты Кеям служишь?

– Не понял, что ли? – подивился Войча. – Мне к вашему наместнику, Кею Сваргу надобно. Так что говори, где он, и как к нему добраться! Да поживее!

Тон был выбран самый подходящий. Голосом Войчемира боги не обидели, и после таких слов любой недоумок склонялся в поклоне. Но парень лишь хмыкнул, весьма злорадно, затем широко улыбнулся:

– Так что приехали, сполот! Слезай с коня!

В первый миг Войчемир даже растерялся от такой дерзости, но затем быстро пришел в себя и улыбнулся в ответ:

– Да никак разбойнички? А ну-ка идите сюда, мои хорошие!

Он уже был годов сбить конем наглеца, а затем заняться остальными, но тут случилось неожиданное. Лицо парня странно дернулось – он был явно обижен, даже немного растерян:

– Мы... Мы не разбойники! Я – сотник Велги! Мы – вейско Края!

– Чего?! – Войча изумленно моргнул. «Вейско»? Мелькнула и пропала мысль, что он заехал в неведомую страну, где какая-то Велга правит загадочным Краем.

– То есть как, «чего?» – парень тоже был поражен. – С какой Луны ты свалился, сполот?

Войча вздохнул и не торопясь слез с коня. Вспомнилась встреча с беднягой-чугастром. Ну и странные дела творятся на белом свете!

– Давай сначала, – решил он. – Я есть кто? Я есть Кеев альбир, Светлого кмет и его войска десятник. Это ясно?

Про свое имя Войча из понятного благоразумия умолчал. Вдруг братан Рацимир за его голову награду назначил? Вот со Сваргом встретится, тогда уж...

– Понятно, – согласился парень. – А мы – вейско Края, а правит Краем Государыня Велга. Это тоже понятно?

– Не-а, – честно отвечал Войчемир. – Вейско – это войско, да? А Край – волотичи? Послышался дружный смех. Парни в белых рубахах стали переглядываться.

– Мы и есть, – согласился сотник.

– Ну, тогда води меня к наместнику! – Войча облегченно вздохнул.

– Не-а, – парень очень точно повторил сполотский выговор и даже интонацию Войчемира. – Бросай меч, альбир! Я же тебе сказал, приехали!

Оставалось задуматься, причем крепко. Наконец, мелькнула догадка.

– Так вы чего, бунтовщики?

– Понял! Смотрите – понял!

Хохот стоял долго – волотичам было весело. Но веселились они напрасно. Удивление прошло быстро. Войча был кметом, а Кеев кмет должен быть готов и не к таким наворотам. Потом можно подумать, почему и как бунтовщики подобралась к самой границе, куда подевалось войско Сварга, и отчего волотичами правит какая-то Велга. Пока белые рубахи смеялись, Войчемир успел приметить в руках одного из парней нечто весьма полезное. Остальное произошло само собой. Войча опустил голову, как будто сраженный этакой неожиданностью, полез к застежке пояса, словно собираясь бросить меч вместе с ножнами прямо под ноги нахальным бунтовщикам. Хохот стал еще сильнее, и в тот же миг Войча бросился вправо, туда, где стоял примеченный им парень. Меча вынимать не стал – хватило и прямого в челюсть. Волотич пошатнулся, рука дрогнула... Войча добавил – левой поддых, и выхватил у парня букую жердь, на конце которой болталась цепь с железным шаром, украшенным здоровенными шипами. Подобные полезные вещи Войча выдывал. Эта, например, называлась очень красиво – «звездочка».

– Гей! – сотник сообразил первым, но опоздал. Войча засмеялся и для пробы махнул жердью, заставив «звездочку» описать широкий круг. Вышло хорошо – волотичи подались назад, один рухнул ничком на землю, а еще двое присели, уронив оружие. Кого-то задело – послышался дикий крик. Войчемир, убедившись, что дело пошло, бросился прямо в гущу растерявшихся врагов, со свистом вращая «звездочкой» над головой. Кому-то попало по плечу, кто-то упал, держась за ушибленный бок, остальные бросились во все стороны, спасаясь от верной гибели. Краем глаза Войча заметил, как в руках одного из парней появился лук. Это было уже опасно, но враг слишком долго вынимал из колчана стрелу. «Звездочка» пронеслась над самой макушкой, лук выпал из рук, и Войча легко поддал ногой бесполезное оружие. Ухо уловило знакомый свист. Копье! Войча присел, резко отпрыгнул – и смерть пронеслась мимо. Снова свист – на этот раз копье метнули точнее, но острие лишь пропоролло плащ. А Войча вновь бросился туда, где мелькали белые рубахи, радуясь, что заставлял себя каждое утро упражняться в боевой потехе. Раз! Раз! Там где только что стояли враги, образовывалась не улочка, и не переулочек, а целая площадь. Внезапно перед глазами сверкнула полированная сталь. Войча взмахнул «звездочкой», услышал жалобный стон и лишь потом сообразил, что попал по шлему, а шлем был на голове разговорчивого сотника. Распугав еще полдюжины белых рубах, Войчемир мельком заметил, что потерявшего сознания сотника волокут в кусты, а остальные пятятся к опушке, размахивая бесполезными топориками, при виде которых Войче стало просто смешно. Кур они рубить собрались, что ли?

Когда Войчемир наконец-то решил перевести дух, перекресток оказался пуст. На земле лежало брошенное оружие, один из врагов, которому досталось крепче, чем остальным, уползал в лес, а у дороги жевал сухую осеннюю траву вороной конь, не обращая на эту суету ни малейшего внимания.

– Эй! – воззвал Войча, соскучившийся за долгие недели по настоящей драке. – Вы как, все? Спеклись, оглоеды?

В ответ из кустов метнули копьё, но неудачно – острие воткнулось в землю в трех шагах от Войчиных сапог.

– Я те покидаюсь! – Войчемир погрозил невидимому врагу «звездочкой» и решил, что пора требовать сдачи на милость:

– Ну вы, супостаты! – гаркнул он, рассчитывая, что горе-вояки его хорошо слышат. – Сдайтесь, или как? Ишь, бунтовать вздумали! Супротив власти пошли! А ну, говорите, где сейчас ваш наместник?

– Его лагерь в трех днях пути отсюда, альбир. Тебе надо было ехать ближе к полдню.

Войча резко обернулся – и обомлел. Перед ним стояла девушка – невысокая, сероглазая, в простом белом платье. В волосах светился серебряный обруч, и сами волосы отливали серебром. Войчемир с изумлением понял, что девушка – седая. Щеку пересекал глубокий рубец, но это не портило лица – девушка оставалась красивой, даже очень красивой. Ее лицо показалось странно знакомым, но думать об этом было не ко времени, ибо на поясе сероглазой Войчемир заметил меч в дорожных ножнах. Меч был настоящий – франкский.

– Чолом, сестренка! – бодро отвечал он. – А по какой дороге ехать?

Девушка покачала головой:

– Тебе же сказали, альбир – ты уже приехал. Пока ты шумел, мои люди окружили перекресток. Нас три сотни...

Говорила она на знакомом сполотском наречии, лишь некоторые слова звучали непривычно.

– А я думал, вы сдаетесь! – протянул Войча, почему-то совсем не испугавшись.

На ее лице мелькнула улыбка. Девушка негромко свистнула, и тут же, словно из-под земли, появились четыре огромных серых пса. Войчемир попятился, но собаки уже окружили его со всех сторон.

– Ты хорошо сражаешься, Кеев десятник, – заметила незнакомка. – Мы могли бы расстрелять тебя из луков, но мы уважаем храбрых врагов.

– Так чего, сестренка, мне сдаваться, что ли? – поразился Войчемир. Лучников он не боялся, но вот собаки...

– Эти псы разорвут в клочья даже медведя, – поняла девушка. – Ты убьешь одного, может быть – двух. Но потом от тебя останутся лишь обглоданные кости.

Войчемир покосился на застывших серых тварей, услышал негромкое злое рычание и понял – так и будет.

– Значит, сдаваться? – вздохнул он. – Тебе сдаваться?

Попадать в плен, да еще после поруба, совсем не тянуло. К тому же альбир может отдать меч равному, но сдать девушке, пусть и пригожей – это уж слишком.

– Я – Велга, правительница волотичей, – девушка вновь улыбнулась. – Ты сдашься Государыне Края.

– Так вот ты кто...

Войчемир невольно почесал затылок, что всегда было признаком немалых умственных усилий. Выхода не было, да и сдача не разбойникам, а главе государства вполне допустима. Но ведь Кеи не признавали никакого Края! Это бунтовщики, мятежники! Чтобы прирожденный Кей отдал меч каким-то забородам!

– Свести своим псам, сестренка! – вздохнул он. – Я Хальгу Лодыжке не сдался! А он весь ваш Край в пять минут узлом завяжет и в мешок сунет!

– А кто такой Хальг?

И тут случилась странная вещь. Вместо того, чтобы выяснять малоприятный вопрос о сдаче в плен, Войчемир принялся рассказывать девушке о Хальге, о далеком Ольмине, о том, сколь ловко сканд орудует двуручником, и как нелепо выходить в бой против настоящего Кеева воина с дурацкими топориками. Девушка слушала, понимающе кивала, и Войчемир не заметил, как они прошли перекресток и оказались на одной из дорог. Откуда-то вынырнули белые рубахи, но близко не приближались – видать, боязно стало. И Войчемир даже не подумал, что сероглазую девушку можно легко обезоружить, прижать к горлу жало скрамасакса и потребовать вольного прохода в лагерь Сварга. Бунтовщики были словно сами по себе, а они с Велгой – совсем отдельно. А то, что седая девушка по какому-то дикому недоразумению – глава всех мятежников, Войчемир как-то быстро забыл. Вспомнил он, когда они уже успели пройти по лесу с полверсты, и впереди показалась огромная поляна, на которой стояли белые шатры.

– Здесь наш лагерь, – кивнула Велга. – Меч можешь оставить у себя, альбир. По лагерю ходи свободно, но не приближайся к опушке.

Она оглянулась на серых собак, безмолвно следовавших за хозяйкой, и Войчемир наконец-то сообразил, что о сдаче думать поздно – он уже давно в плену, и эта сероглазая успела отвести его прямо в логовище проклятых бунтовщиков.

– Значит, ты Велга? – вздохнул он, пытаясь понять, как это все случилось.

– Велга, – кивнула девушка. – А тебя как зовут, альбир?

Войча был уже готов признаться, и кто он, и почему оказался в этой глуши, но успел вовремя прикусить язык. Хватит и того, что мятежники схватили Кеева кмета! Стоит им узнать, что он – Кей...

– З-зайча! – ляпнул он первое, что пришло на ум, и тут же пожалел, недобрым словом помянув злоязыкого Ужика. Ну почему бы не назваться Святославом, Владимиром, Ярославом, наконец! Впрочем, девушка восприняла странное имя совершенно спокойно:

– Ну, будем знакомы, братец Зайча! Ты пока отдохни, а потом мы еще поговорим. Хорошо?

– Хорошо! – покорно кивнул Войчемир, хотя ничего хорошего в этом не было. Он совсем не устал и совершенно не хотел задерживаться в таком подозрительном месте. Но к Велге тут же подошли парни в белых рубахах, увешанные оружием, и та принялась им что-то объяснять, совершенно забыв о Войче. Он оглянулся, решив как следует изучить обстановку, но к нему подоспели двое русских крепышей в полном вооружении, отобрали «звездочку» и отвели в пустой шатер. Серые собаки оказались тут же, заняв пост у входа. Стало ясно – следует сидеть и не высовываться. Войчемир вытащил бесполезный скрамасакс, покачал головой и уложил меч обратно в ножны. Плен есть плен, даже если ему оставили оружие. Правда, с оружием было не так обидно, вроде и не пленник, а гость. Да и в шатре среди леса все-таки приятнее, чем в сыром порубе...

С Велгой он встретился вечером. За это время ему дважды приносили поесть и даже поинтересовались, не требуется ли Войче что-нибудь еще. Кое-что действительно требовалось. Зубы вновь заныли, и самое время было обратиться к знахарю. Но Войчемир поостерегся: кто их ведает, знахарей здешних! Он осведомился о своем вороном, и его заверили, что с конем все в полном порядке. Это оказалась единственной приятной новостью. Шатер не сторожили, но серые псы находились неподалеку, лениво поглядывая на своего подопечного, как только он выглядывал наружу. Правда, выглядывать не мешали, и Войчемир достаточно быстро разобрался в происходящем. Очевидно, сестренка Велга обсчиталась – волотичей было не более сотни, если судить по шатрам. Хотя, конечно, считать правительница умела, а лишние две сотни понадобились, дабы охладить Войчин пыл. Но и сотня воинов – немало. Правда, оружие явно оставляло желать лучшего. Лишь четверть имела мечи-скрамасаксы и кольчуги. У остальных были копья, дубины и странные топорики. Войчемир, наконец, вспомнил, что такое оружие называется клевец, его можно метать, но в целом толку от него мало. Кое-кто имел нечто посерьезнее – секиры или «звездочки», но таких оказалась совсем немного. Да и порядка было мало. Часовые имелись, но стояли явно не там и глядели совсем не туда, куда следовало. Некоторые не стояли, а сидели, причем большинство вело беседы друг с другом и с проходящими воинами. Войчемир невольно скривился. Войско! Сильно сказано, сестренка! «Вейско» – не войско! К тому же все были пешие, причем половина носила лапти, а кое-кто не имел и лаптей. Войча вспомнил, как сам-один разогнал, считай, полтора десятка и решил, что этакая орава хороша лишь, чтобы по лесам шнырять, и то до первых дождей, пока лапти с ног не попадают. Одно слово – бунтовщики! И Войчемир решил, что ежели бы не собаки, он ввек бы не сдался этим неумехам. Подумаешь, сотня! Чем трава гуще, тем косить легче! Если бы не собаки... и не Велга. И как эта девушка его, Кеева альбира, в плен взяла?

Как только стемнело, за Войчей зашли все те же русые крепыши. Поглядев на пленника мрачно, исполобья, они без лишних слов отвели его в центр лагеря. Там горел большой костер, возле которого сидела дюжина парней в белых рубахах под серыми плащами. Велга пристроилась в самой середине. Возле нее Войча приметил давешнего сотника, но уже не в шлеме, а в окровавленной повязке. При виде этого сонмища Войчемир решил, что самое время поставить все на свои места.

– Чолом, бунтари! – хмыкнул он, усаживаясь без всякого приглашения поближе к огню. – Совет держите? Как бы вам, мятежникам, по кустам получше прятаться? А то не ровен час, проедет по дороге альбир, да не один, а с товарищем. Тут вас все ваше «вейско» жаба клешней и задавит!

Насчет «жабы» и «клешни» вышла явная неувязка, но в остальном прозвучало весьма убедительно. Кое-кто не выдержал, вскочил, остальные нахмурились, но некоторые отвели взгляды. Не иначе – попало в точку.

– Ишь, бунтовать вздумали! – Войча осмелел и даже вошел в раж. – Да как такое можно? Власть Кеева богами установлена! Боги Орию Кею Каваду даровали за то, что он землю от Змеев спас! Где ж это видано – бунтовать!

Войча решил, что с богами и Кеом Кавадом все ясно, и перешел к делам дня нынешнего:

– И не стыдно вам? Кей Сварг о вас, как о детях пекся! Дороги вам строил, разбойников по лесам изводил...

– Замолчи, сполот! – не выдержал кто-то. – Такие, как ты, грабили нас, насиловали наших невест, а Рыжий Волк только посмеивался!

Войчемир даже рот открыл от изумления, услышав такую дичь. Он даже принялся вспоминать, не ограбил ли он кого и не изнасиловал ли по ошибке чью-нибудь невесту, но тут же опомнился. Ну, горазды языком молоть!

– Ежели кмет кого обидит, – снисходительно отвечивал он, – то его начальству жаловаться должно! По законам воинским такого кмета накажут, ясно? А Кей Сварг в войске порядок всегда блюдет!

– Да он с Луны свалился! – послышался возмущенный голос, и Войчемир отметил, что его уже второй раз зачем-то направляют на Луну. Между тем Велга сидела молча, словно перепалка ее совершенно не интересовала.

– С Луны я не сваливался, – вздохнул Войча. – Потому как Луна на небе, а там лишь Кей Кавад на орле летал! Но порядки воинские мне ведомы, не то что вам. Я в войске Кеевом сызмальства служу. В войске – не в «вейске»...

Поднялся шум, и Войчемир понял, что вновь попал в точку. Почему-то он не боялся. На миру и смерть красна. После поруба мятежники с их дурацкими топориками уже не страшили.

– И где же ты служил, Зайча? – поинтересовался сотник с перевязанной головой. – Может, в Ирии? В Ирии, наверно, даже Кеевы кметы зря никого не обижают!

От собственного «имени» Войчу передернуло, про Ирий было вообще непонятно, но вопрос пришелся к месту.

– Служил я, чтоб вы знали, на полночи, в Ольмине. Вот там порядок был! Чтобы кметы кого обидели! Да я бы сам такого надвое разорвал!

– И что же вы там делали? – поинтересовался кто-то. – Цветочки нюхали?

– Цветочки?! – Войчемир задохнулся от возмущения. – Да мы есь каждый день рубали! По полгода из лесов не выходили! Пока их берлогу найдешь, пока окружишь, пока огня подпустишь...

– Ясно... – уронил кто-то, и у костра наступило тяжелое молчание. Войча так и не понял, убедил ли он этих недоумков.

– Вы слышали, – негромко заговорила Велга, и в голосе ее Войча уловил что-то, похожее на боль. – Вы поняли.

– Да, Государыня... – так же тихо отозвались волотичи.

– Для Кеев мы – не люди. Нас нужно окружать, подпускать огня – и рубить.

– Да ты чего, сестренка! – Войчемир вскочил, и тут же получил увесистый тумак под ребра:

– Называй Велгу – Государыня!

– Не надо, – девушка грустно улыбнулась и покачала головой. – Зачем? Не в этом дело. Вы спрашивали меня, будет ли окончательный мир со сполотами, и я дала вам ответ. Все они мыслят так – и Рыжий Волк, и простой кмет. Ведь ты уверен, Зайча, что за свою службу зря никого не обидел?

Войчемир вздрогнул, но сдержался и начал добросовестно вспоминать.

– Ну... Бывало, в дом зайду да калач попрошу или квасу напиться... Но ведь кметы державу охраняют, как их не угостить?

– А есь?

– А чего – есь? – поразился Войча. – Есь – это нелюди, хуже чугастров! Да их рубать надо, жечь надо!

Девушка молча кивнула, и Войчемир вновь не понял, достаточно ли точно изложил свою мысль.

– Поэтому нам нужно уметь воевать, – вновь заговорила Велга. – Многих ничему не научил даже Коростень. Мать Болот спасла волотичей, и Рыжий Волк отступил, но он вернется. И что же? Один кмет разогнал целую заставу! Один! Нашим же оружием!

– Да он... – сотник с повязкой вскочил, но девушка резко махнула рукой:

– Он просто умеет воевать. А мы – нет! Правда, Зайча?

– А то! – Войчемир приосанился. – Воевать вы не умеете, это уж точно! Первое дело – оружие...

И Войча, переполненный презрением к этим неумехам, принялся подробно излагать все, что думал о них и об их, с позволения сказать, «вейске». О том, что против настоящего сполотского доспеха просто смешно действовать клевцом. Ежели у этих голодранцев серебра мало, вместо мечей должно использовать не клевцы, а секиры. А еще лучше на каждую сотню иметь десяток парней крепче со «звездочками». Коли конница набежит, в круг становиться, и тех, что со звездочками и длинными копьями, вперед ставить. Да не лениться, и каждый день воинской потехой заниматься, тот кто умеет, дюжину неумех учит. И свою конницу иметь надо, да только не тяжелую, латную – такую собирать дорого, а учить очень долго. В лесах нужна конница легкая, для наблюдения и внезапных атак. И еще у них, волотичей, рек много. Значит, следует кметов на лодьи сажать, а на каждой реке по полдюжины лодей иметь – опять же для наблюдения. Да и кольчуги свои пора научиться делать, работа хитрая, но подъемная.

Вскоре Войчемир убедился, что слушают его внимательно, даже с некоторым почтением. Никто не перебивал, намеков непотребных не делал, шуток не шутил. Подбодренный этим, Войчемир вспомнил о лагере, и снисходительно посоветовал для начала научиться шатры ставить. Первый дождь – и шатры, ежели полотно не натянуть, промокнут. Да и стража должна куда надо смотреть, а не ласы точить с кем попало. И ставить ее нужно там, где места опасные, а обзор хороший...

Давно уже Войчино красноречие не пользовалось таким успехом. Ему и самому понравилось – слушайте, наука будет! Наконец, первый порыв прошел, Войчемир махнул рукой – что, мол, возмешь с вас! – и умолк, переводя дух.

– Ясно? – Велга резко встала и окинула быстрым взглядом собравшихся. – Сегодня же займитесь лагерем! Об остальном – завтра...

Затем она повернулась к Войчемиру, по лицу скользнула улыбка:

– Спасибо, Зайча! Ты нам помог – очень!

Войчемир лишь подивился. Он и не думал помогать этим бунтовщикам. Напротив, все им сказанное должно было как следует уязвить этих наглецов, вздумавших – подумать только! – против властей, богами данных, беспорядки наводить. Странные люди, эти волотичи!

Велга что-то негромко приказала, и все стали расходиться. Вскоре у костра осталась лишь она – и Войча, о котором, похоже, забыли.

– Тебя не обижали, братец? – вновь улыбнулась девушка.

– Меня? – Войчемир даже растерялся. – Обидеть – не обидели, но из шатра и шагу сделать не давали! Ты же сама, сестренка, разрешила!

– Они тебя боятся, Зайча, – Велга встала и кивнула на опушку. – Пойдем, братец, погуляем...

– Можно, – охотно согласился Войчемир. – А то, что боятся – правильно. Ведь я кто есть? Я есть Кеев альбир...

Они вышли на опушку и не спеша пошли вдоль строя высоких старых деревьев, покрытых желто-красной листвой. Их никто не сопровождал – кроме серых собак, которые, бесшумно вынырнув, словно из-под земли, окружили Войчу со всех сторон. Войчемир, однако, и не думал о побеге. Успеется! А вот поговорить с девушкой было интересно.

– А у тебя речь другая, не такая, как у твоих, – заметил он. – Словно ты из сполотов.

Девушка кивнула:

– Мой отец – сполот. Мать долго жила с ним и научилась говорить по-вашему... Но это ничего не значит, Зайча. Мы и сполоты – враги. К сожалению...

– Почему – враги? – поразился Войчемир. – Сполоты и волотичи – одно племя! Только ваши должны по-нашему научиться, и все ладно пойдет. Мне так сам Светлый говорил!

Велга даже остановилась:

– Зайча! Да откуда ты такой взялся?

– Как откуда? Из Ольмина!

И Войча, сам не зная почему, принялся рассказывать о своем житье-бытье, об отце, о доброй мачехе, о суровом дяде – да будет им всем тепло в Ирии. Имен не называл, но в остальном не скрыл ничего. Потом разошелся и стал говорить о мертвом городе Акелоне, о румах, что плавают на черных галерах по широкому Денору, об усатых бродниках и о лихих наездниках ограх. Даже про Ужика поведал и не без гордости. Ведь его друг-приятель не кто-нибудь, а рахман, самого Патара первый ученик! О порубе, да о братане Рацимире говорить не стал. Зачем девушке такие страхи?

Велга слушала, не перебивая, затем, когда Войчемир умолк, вздохнула и покачала головой:

– А я даже Денора не видела, братец! Он действительно черный?

Пришлось рассказать и о Деноре, обстоятельно пояснив, что цвету он темного, но никак не черного, разве что ночью, когда луна не светит. В общем, поговорить нашлось о чем, и они не заметили, что уже совсем стемнело. Наконец, Велга остановилась и устало повела плечами:

– Пора нам... Странно, братец Зайча! Не могу понять... Ты какой-то... не такой. Как будто мы и не враги.

– А чего это нам враждовать? – удивился Войчемир, но тут же все вспомнил. Матушка Сва, а ведь и в самом деле!

– Это потому, сестренка, – рассудил он, – что тебе про нас, про сполотов, всякие байки вредные рассказывали! Ты своих болтунов не слушай!

Он уже хотел добавить, что охотно поговорит с братаном Сваргом, дабы уладить это нелепое недоразумение, но вовремя прикусил язык.

– Болтунов? – Велга глубоко вздохнула. – Ты в самом деле упал с Луны, Зайча! Мою семью убили ваши кметы, мать была холопкой и наложницей. Когда я попала в плен...

Ее плечо странно дернулось, девушка резко отвернулась и замолчала. Войча не стал переспрашивать. Видать, обидели сероглазую!

– Ты знаешь... Кея Улада? – наконец, проговорила она.

– Малыша? – Войча на миг забылся. – Конечно! Забавный такой! Жаль, заикается, бедняга! Но паренек славный!

Велга медленно повернулась, их глаза встретились, и Войча невольно отшатнулся.

– Славный... – тихо, без всякого выражения, повторила девушка. – Мать Болот сохранила мне жизнь. И я поклялась, что, пока жива, буду убивать сполотов. Как-то я пощадила этого... малыша. Но теперь не пощажу никого из проклятого рода! Мне казалось, что Кеи – такие же люди, как ты и я. Но я ошибалась...

Войча открыл было рот, дабы внести ясность, но в очередной раз прикусил язык. Чувствовал он себя в этот миг прескверно. И не только потому, что, назови он свое имя, сероглазая тут же свистнет собакам, дабы Войчины клочки пошли по закоулочкам. Стало стыдно, будто он сам чем-то обидел девушку.

– Но... – с трудом выговорил он. – Сестренка, ведь человек, ну... Он не виноват, что родился Кеем...

Собственные слова тут же показались верхом дикости. Что значит – «не виноват»? Да он всю жизнь гордился своим славным родом! Чего только язык не сболтнет!

– Эх, братец Зайча! – Велга невесело улыбнулась. – Какая разница, виноват или нет. Кеи – мои враги! Они враги моего народа, и я буду драться с ними, пока жива. А если погибну – Край все равно не покорится!

– А почему – Край? – Войчемир был рад перевести разговор на что-нибудь не столь скользкое. – Вы так землю волотичей зовете?

Девушка была явно удивлена.

– Разве ты не знаешь? Так когда-то звали всю страну – от Харпийских гор до Денора. Ория – чужое имя. Мы лишь вспомнили то, что нас заставляли забыть.

– Если ты Государыня Края... – Войча удивленно моргнул. – Значит, ты хочешь править всей Орией?

– Нет, конечно! Но мы боремся за то, чтобы власть Кеев пала всюду – и у нас, и у сиверов, и у сполотов. Поэтому мы хотим, чтобы народы вспомнили свое имя.

– Тоже мне название – Край! – не согласился Войча. – Край света, что ли?

Велга покачала головой:

– Край – хорошее имя. Край, дарованный нам богами. Может, и Ория когда-то была хорошим именем, но его взяли себе Кеи. Пусть старое имя сплотит нас...

Ответить было нечего, и Войча пожалел, что рядом нет всезнайки-Ужика, который живо растолковал бы, что к чему.

На следующий день Войчемир приготовился вновь скучать, но вышло по-иному. За ним пришли сразу же после завтрака – тарелки просяной каши, которую следовало запивать мутноватой водой. Войчу вновь повели к центру лагеря, но не ко вчерашнему кострищу, а на большую площадку, на которой собралось с полсотни волотичей. Войчемира явно ждали – как только он появился, парни зашумели, начали переговариваться и даже перемигиваться. Войче это никак не понравилось, но он и виду не подал, решив спокойно ждать, чего дальше будет. Дождался он недолго. Вперед вышел высокий широкоплечий парень, светловолосый, как и прочие, в такой же белой рубахе, поверх которой был не плащ, а мохнатая накидка из медвежьей шкуры. Войча смерил его взглядом и тут же понял – этот не из растяп. Правую щеку волотича пересекал глубокий шрам, вместо мизинца на левой руке торчал короткий обрубок, да и двигался он – даже стоял – совсем по-другому. Стало ясно – из бывалых.

– Меня зовут Гуд, сполот! – парень тоже осмотрел Войчу с головы до пят и скривился. – Говорят, ты драться мастак?

– С тобой, что ли? – Войчемир даже обрадовался. Вот это дело!

– Не спеши! – Гуд вновь криво усмехнулся. – «Звездочкой» махать и я могу. Покажи-ка, чего еще умеешь!

Войчемир потянулся к скрамасаксу, но парень покачал головой:

– Меч тебе дадут деревянный, сполот! Сделаем так. Ты – с деревянным, мы – с настоящими. Рубить тебя не будем, а царапину-другую стерпишь.

Войча хотел возмутиться, но его охватил азарт. Ишь, придумали! Ладно!

– И сколько вас будет? – небрежно бросил он.

– Не считай, все твои, сполот! – Гуд хохотнул и подмигнул товарищам. – Отобьешься – твое счастье!

Войча с удовольствием объяснил бы нахалу, в чем его счастье, но решил, что с мечом такие беседы вести сподручнее. Не тратя слов, он скинул плащ, а заодно – и рубаху. Тут же стало холодно, и Войчемир нетерпеливо поглядел на своих противников.

Один из волотичей подал ему деревяшку, короткую, короче скрамасака, и ухмыльнулся прямо в лицо. Войчемир улыбнулся в ответ и небрежно стал в стойку. Деревяшку он взял в правую руку и стал смотреть поверх голов куда-то в серое осеннее небо.

Гуд негромко скомандовал, и волотичи разошлись в разные стороны, образуя круг, в центре которого оказался Войчемир. И сразу же вперед выступили трое – тоже без рубашек, зато с настоящими мечами. Войча быстро поглядел на противников и хмыкнул. Двое со скрамасаксами, а вот у третьего меч отменный – румский. Не франкский, конечно, но в руке держать приятно. Меч был хороший, а вот его владелец, да и все прочие – явно из новичков. Большого и не требовалось.

– Давай! – Гуд взмахнул рукой, и парни шагнули вперед. Войча подумал, не сыграть ли с ними в игру – одну из тех, которым его научил Хальг, но решил не тратить зря силы. С этими все просто...

Трое, собравшиеся разобраться с Войчемиром, явно думали иначе. Они переглядывались, озирались, и Гуду пришлось прикрикнуть, дабы стали посмелее. Храбрости не прибавилось, но еще один шаг вперед был сделан, затем еще, и теперь все трое стояли ровной шеренгой перед Войчемиром. Они ждали. Войча даже в их сторону смотреть не стал. Деревяшка в руке, взгляд в небо – стоит себе человек, скучает.

Зрители зашумели, подбадривая своих. Те вновь переглянулись, один нерешительно покосился в сторону Гуда... И тут Войчемир прыгнул. Удар ногой пришелся в бок – первый парень ойкнул и стал медленно оседать на землю. Второй, тот, что с румским мечом, начал поворачиваться, но опоздал. Войча вновь ударил, но не жалкой деревяшкой, которую сразу же бросил наземь, а ребром ладони – по шее. Схватить меч и встать в стойку было делом одного мгновения. Теперь – третий. Тот, совершенно ополоумев, уже отступал, пятясь перед страшным Кеевым альбиром. Войча скорчил рожу и рыкнул, сделав вид, что собирается снести волотичу его непутевую башку. Этого оказалось достаточно – парень дернулся и бросился наутек.

Хальг Лодыжка едва ли остался бы доволен своим учеником. Все это следовало делать куда быстрее, да и не бить надлежало, а убивать – на то и бой. Но недели в порубе убавили сноровки, к тому же никого убивать Войчемир не собирался. Пока, по крайней мере.

Впрочем, зрители не заметили этих тонкостей. Несколько мгновений стояла тишина – мертвая, полная, и тут грянул крик. Гуд оставался спокоен, лишь шрам на лице побагровел, да глаза загорелись недобрым огнем.

– Чего стоите? – буркнул он, брезгливо поглядывая на растерявшихся соплеменников. – Отберите меч и свяжите! Живо!

Этого хватило. Волотичи, разом опомнившись, выхватили мечи и вновь стали кругом, который начал медленно смыкаться. Войчемир быстро огляделся, приметив парня – того, кто только что убежал. Халыг часто говаривал: «Привычка ко всему есть, маленький Войча! Есть к храбрости, есть к трусости. Испугаешься раз, испугаешься и во второй.» Волотич напуган, значит...

Войчемир вновь скорчил рожу пострашнее и бросился прямо на незадачливого вояку. Глаза у того округлились, губы дрогнули. Миг – и проход был свободен. А теперь – вперед! Войча заранее наметил путь – вдоль опушки. Бежать не далеко, но и не близко – в самый раз.

За спиной кричали, и Войчемир убавил ход, чтобы преследователи не сильно отставали. Теперь – пора! Войча резко обернулся и точным ударом выбил меч из рук первого преследователя. Теперь – второй...

Когда первые пятеро были обезоружены, а в руках у Войчемира грозно поблескивали два меча – один румский, другой – франкский, остальные остановились, не решаясь подойти ближе. Откуда-то уже бежала стража с копьями наперевес, и Войчемир, усмехнувшись, положил мечи на землю.

– Хватит? – поинтересовался он самым равнодушным тоном.

В ответ послышался крик, какой-то странный. Войчемир прислушался...

– Зай-ча! Зай-ча! Мо-ло-дец! Зай-ча!

Его противники вовсе не были разгневаны. В глазах волотичей светился настоящий восторг, словно Войча совершил чудо, а не отделал десяток неумех. Оставалось снисходительно усмехнуться и помахать рукой, что еще больше усилило шум.

– Зай-ча! Зай-ча! Зай-ча!

– Не спеши, сполот!

Гуд резким жестом заставил замолчать товарищей и не спеша вышел вперед. Войча понял – все только начинается.

– Бери оружие!

Войчемир пожал плечами и поднял мечи. Волотич что-то шепнул одному из парней, тот кивнул, отбежал в сторону и вскоре вернулся, неся в руках «звездочку». Гуд выхватил оружие, поудобнее пристроил в руках тяжелую буковую рукоять и мрачно усмехнулся:

– Хотел бежать, сполот! Правительница пожалела тебя, а ты...

– Я?.. – изумленный Войчемир хотел внести ясность, но тут же догадался – все подстроено заранее. Велге так и доложат – забрал мечи, перекалечил безоружных парней, пришедших взглянуть на воинскую потеху...

– Защищайся!

Спорить поздно, объясняться не с кем. Испуганные волотичи отбежали далеко назад. Позади был лес, а впереди – смерть. Войча вздохнул и слегка расслабил руки. Он не устал, но перед таким боем надо успокоиться. Два-три мгновения, не больше...

Гуд расправил плечи, подбросил «звездочку» в руках, резко крутанул железным шаром над головой и бросился вперед. Войчемир отпрыгнул в сторону, но волотич угадал направление, и «звездочка» рассекла воздух у самого Войчина виска. Плохо! Пришлось отступить, пятясь к опушке и вращая мечами перед лицом врага. Дзинь! Тяжелый удар обрушился на один из клинков. Войчемир удержал меч и отпрыгнул назад. Резкий выпад – острие румского клинка распорол рубашку на плече Гуда.

– Ты умрешь, сполот...

Войчемир понял – умрет. Умрет, если сам не убьет этого парня. И тогда все остальные набросятся, кликнут собак...

Следующий удар был быстрым и точным – по ногам. Войчемир отпрыгнул, но не устоял и рухнул на траву. Он успел откатиться в сторону, прежде чем железный шар вонзился в землю на том месте, где только что была его голова. Вскочив, Войча ударил, не глядя, вслепую и

услышал резкий крик. Отбежав, он развернулся, увидев, что рубашка Гуда залита кровью, но волотич и не думает сдаваться. Легкая рана лишь добавила злости.

– Нападай, сплотская сволочь!

Нападать Войчемир не спешил – длинный шест давал врагу все преимущества. Он начал смещаться влево, надеясь, что рана и тяжелое оружие в руках сделали его противника не таким поворотливым. Если волотич замешкается и подставит бок...

– Стойте!

Голос Велги был резок и суров. Гуд оскалился, глаза злобно сверкнули...

– Я сказала – стойте! Оружие на землю!

Девушка стояла рядом, серые псы окружали ее, готовые броситься на первом же знаке. Войча вздохнул и положил мечи на желтую осеннюю траву. Гуд резко мотнул головой, но тоже подчинился – «звездочка» упала на землю.

– Достаточно! Всем разойтись!

– Государыня! Этот сплот... – Гуд явно не хотел упускать свою жертву, но повелительный жест заставил его замолчать.

– Я все знаю. Вы хотели увидеть, как дерутся сплоты? Думаю, Зайча вам показал.

Зрители уже расходились. Гуд пожал плечами и, резко повернувшись, зашагал в шатрам, забыв о брошенной на землю «звездочке».

– Возьми все это железо, братец Зайча, – Велга усмехнулась и покачала головой. – Они готовы убить тебя, потому что ты – сплот. Но потом забывают оружие...

– «Вейско»! – охотно согласился Войчемир, подбирая «звездочку». – Куда это тащить, сестренка?

Вокруг стояли мягкие вечерние сумерки, осенний лес был тих и спокоен. Велга и Войчемир медленно шли по узкой тропе, собаки серыми теньями неслышно скользили рядом.

– Очень устала... – девушка повела плечами и вздохнула. – Когда все начиналась, я думала, что самое трудное – это война. Но мир оказался еще труднее...

Войча невольно почесал затылок:

– А-а... Объясни, сестренка, чего у вас сейчас со Сваргом? Воюете – или как?

– Перемирие. На полгода. Мы обещали не преследовать его войска. Сварг собрался воевать с братом, а нам это время очень нужно... И еще нужно серебро.

– Так чего? – удивился Войча. – Ты же правительница! Значит, тебе подати платить должны!

– Подати... – девушка грустно усмехнулась. – Оказалось, что их не так легко собрать.

– А чего тут трудного? Перво-наперво прикажи построить погосты...

– Погосты? – поразила Велга, и Войча сообразил, что слово может означать совсем разные вещи.

– Не для мертвяков, – усмехнулся он. – Погост – это крепость такая. Маленькая – на десяток кметов. Туда со всей округи подати свозят. Вот у нас в Ольмине...

Честно говоря, в Ольмине Войчемир мало интересовался податями. Этим занимался Халыг. Но кое-что запомнилось, и Войча подробно рассказал, как собирали с еси меха, красные камни и, конечно, серебро. Затем вспомнилось, как спорили братаны Сварг и Рацимир о том, что лучше – погосты или полюдь. Пришлось рассказывать и о полюдь, за которым Войче довелось ездить уже в Савмате. Девушка слушала внимательно, не перебивая. Наконец, кивнула:

– Я запомнила. Попробуем... Ты очень много знаешь, Зайча!

Войчемир возгордился, пожалев, что рядом нет Ужика. Послушал бы, зазнайка!

– Я думала... – Велга вздохнула. – Думала, ты поможешь нам.

Войча хотел возмутиться – помогать бунтовщикам он и в мыслях не имел, но почему-то смолчал.

– Но многие против. Такие, как Гуд, ненавидят сполотов только за то, что они – сполоты. Тебя хотят убить.

– Ну-у... Это понятно! – Войча совсем не удивился. – Но ведь ты сама говорила...

– Да... – девушка развела руками. – Странно, братец Зайча! Ты – сполот, а я не могу ненавидеть тебя. Не знаю, почему...

Войча вздохнул – сказать было нечего.

– Может, потому... – девушка усмехнулась. – Нет, не стоит... Ты – чужак, Зайча! Ты – наш враг. Если тебе прикажет твой Кей, ты будешь убивать нас.

Войчемир вновь промолчал. Врать не хотелось. Прикажут – и будет. Он – воин, что поделаешь...

– Я – правительница. Я не могу допустить, чтобы у Рыжего Волка стало одним воином больше. Особенно таким, как ты, Зайча!

Почему-то эти слова не огорчили, а напротив – заставили еще более возгордиться. Ужика бы сюда!

– Почему ты молчишь, Зайча?

– А чего? – смерть, не отходившая от Войчемира уже многие недели, почему-то перестала пугать. – Я тебе не говорил, сестренка... Я ведь из поруба бежал. Заморить там меня хотели.

– Правда? – Велга даже остановилась, – Тебя хотели убить... свои?

– Свои... Племянш бежать помог, да сестричка двоюродная, да наставник. И еще друг один – Урсом звать. Вот я здесь и оказался.

Войчемир понял, что проговорился. Теперь оставалось признаться и в остальном, но Велга почему-то не спросила, что за семья у простого десятника, и за что ему такое внимание.

– Бедный братец...

Внезапно девушка погладила Войча по небритой щеке.

– Я не хочу, чтобы ты умирал, Зайча! Я ненавижу Кеев, ненавижу сполотов... но не тебя. Уходи!

– К-как? – поразился Войчемир.

– Этой тропой, – девушка резко кивнула вглубь леса. – Шагов через триста – развилка, свернешь налево. Через три дня доберешься до лагеря Сварга. Меч у тебя есть.

Войча бездумно нащупал рукоять скрамасакса, кивнул, но так и не нашелся, что сказать.

– Уходи! Сейчас! – Велга свистнула, и собаки послушно сбежались на зов. – Они не тронут. Ты ведь доберешься пешком, правда?

Коня не было, не было даже куска лепешки, но Войчемир лишь пожал плечами. Три дня пути, подумаешь! Да еще с мечом на поясе!

– Когда я отпустила Кея Улада, то поклялась, что больше не помилую ни одного сполота. Я плохо исполняю клятвы, Зайча! Уходи!

Войчемир вздохнул, окинул взглядом узкую тропу, уведившую в темную глушь, и повернулся к девушке:

– Ты... Ну... Спасибо, сестренка!

– Не благодари меня, братец! – Велга резко дернула плечом, отвернулась и махнула рукой. – Я не должна так поступать. Не должна! Уходи.

Войчемир хотел было вновь поблагодарить, сказать что-нибудь на прощание – ведь одним «спасибо» за жизнь не платят! Но слова не шли, и Войча побрел по тропинке, чувствуя себя виноватым, словно чем-то обидел эту славную девушку. Пройдя десяток шагов, он не выдержал и оглянулся, но тропа была пуста. Велга, Государыня Края, исчезла, как будто все случившееся было сном, приснившимся беглецу долгой осенней ночью.

Глава вторая. Навий подкидыш.

...Мертвое тело с глухим плеском легло на воду, но не спешило тонуть. Застывшие пустые глаза, не мигая, глядели в лицо убийце, скрюченные пальцы, казалось, были готовы дрогнуть и впиться в горло. Мгновенья шли, но мертвец не исчезал. Напротив, он, казалось, набирался сил от мутной болотной воды, и вот дрогнули руки, пустые глаза широко раскрылись, из перекошенного рта послышался сдавленный хрип...

Это было сон, и Навко знал, что спит. Знал, что мертвец давно упокоился в безымянной трясине где-то на полдень от Коростеня, и только чудо может поднять его, уже гниющего и не похожего на самого себя, из мокрой бездны. Но страх не отпускал, напротив, становился все сильнее, и Навко принялся искать оправдания – беспомощные, бесполезные, надеясь, что холодные, застывшие руки опустятся, закроются глаза, и убитый, наконец, оставит его в покое...

Он не убивал! Нет, он и не думал убивать! Он просто нашел мертвое тело, уже холодное, начавшее гнить, и бросил его в трясину. Даже не бросил, нет! Он принес жертву темным навам и поручил покойника им, чтобы проводили беднягу до теплого Ирия! Он не знал этого парня, славного веселого парня, который всегда при встрече хлопал по плечу, приговаривая: «Ну как, друг Навко? Жабры еще не отрастил?» И он не обижался на него, на Баюра, сына Антомира, потому что не знал его вовсе, и не подстерегал на тропе, ведущей на закат, к далекому Валину, не бил ножом в спину, чтобы услышать изумленное: «Навко? За что?» Он тут ни при чем, и напрасно мертвец никак не хочет тонуть, напрасно тянет к нему скрюченные пальцы...

Мертвые глаза уже были совсем близко, острые упырьи зубы тянулись к горлу, страх захлестнул тяжелой волной, лишая последних сил... И тут он проснулся – на этот раз окончательно.

Вокруг было темно, но это была привычная темнота ночного осеннего леса. Рядом алеи угольки костра, а откуда-то издалека еле слышно доносилось уханье филина. Хотелось вытереть выступивший на лбу холодный пот, встать, выпить воды. Но страх все не отпускал, и Навко решил полежать еще немного. Все равно вставать еще рано – до рассвета час, не меньше.

Мертвец снился ему почти каждую ночь все эти недели, пока Навко добирался до Валина. Только в те дни, когда приходилось кружить по чаще, скрываясь от чужих глаз, усталость брала свое, и сон был тяжелым, но спокойным. Мертвец оставлял его в покое – до следующей ночи. Навко боялся этих снов, но наяву, когда светило солнце, и страх оставался где-то далеко, никак не мог понять – почему? Почему ему снится убитый сын Антомира? Неужели душа парня никак не может успокоиться? Жаль, поблизости нет знающего чаклуна! А, может, и есть, но как найти его тут, в чужом краю? В села Навко старался не заходить, да и в разговоры вступал изредка – по крайней необходимости.

Почему ему снится Баюр? Ведь он был не первым, кого довелось убить за последний год. Навко грустно усмехнулся – еще год назад страшно было подумать о таком! Убить человека! Даже представить такое жутко! Но год назад многое выглядело совсем по-другому для Навко, холопа дедича Ивора...

Который раз подумалось, что Баюр – волотич, соплеменник, потому его смерть никак не может забыться. Но Навко убивал не только сплотов. Предателей было много, и убивать приходилось своих, ставших чужими. А, может, он просто жалел Баюра? Парень, несмотря на дурацкую шутку про жабры, ему всегда нравился. Веселый, разговорчивый, не то, что его важный спесивый отец. Сколько раз они виделись с Баюром? Не меньше десяти, наверно. В последние два года сын Антомира зачастил в Бусел. Поговаривали, что он собирался свататься к Унице, дочери старого Ивора. В последнюю встречу Баюр, как всегда, спросил о жабрах, а затем подмигнул и поинтересовался, не нашел ли Навко себе суженую – позеленее и непре-

менно с рыбьим хвостом. В тот день Баюр выглядел счастливым, может, и вправду ладилось у него с Уницей. Навко, конечно, отшутился. Не говорить же Баюру об Алане!

Навко понял, что не заснет. Он и так выспался – лег рано, с темнотой. Оставалось раздуть костер, чтобы слегка погреться. Ночь выдалась холодная, и он порадовался, что до белых мух добрался до Валина.

Огонь разогнал ночные страхи, но недоумение осталось. Почему Баюр не отпускает его? Конечно, они были знакомы – вместе пили, вместе гуляли. Но в тот день, когда брали Бусел, и Навко бросил ополченцев на дом Ивора, где засели предатели, пришлось драться с теми, с кем вместе вырос, с кем пас коров, ходил в ночное, косил пахучее сено на дальних лугах. До сих пор он помнил их: Бабра, Матавита, Згура. Все они, холопы Ивора, погибли в тот день, не желая оставить предателя-дедича. Матавита Навко убил сам – и после сам же похоронил, тем же вечером, когда дом дедича уже догорал. С Матавитом они дружили с самого детства, и Навко плакал над свежей могилой. Но мертвый друг никогда не тревожил его снов. Наверно, понимал – не Навко убил его. Его убила война – и нелепая верность дедичу, предавшему свой народ.

Навко отогнал невеселые мысли, погрел над огнем ладони и достал из мешка берестяную мапу. Он нашел ее в вещах Баюра, и она очень пригодилась в пути. Теперь мапа уже не нужна – Валин рядом. Вот он, нацарапанный на серой бересте – три домика, окруженные тыном. Великий Валин... Смешно: такой город – и всего три домика. Хотя мапа – она и есть мапа.

Навко скатал бересту и хотел положить обратно в мешок, но передумал и бросил в гаснущий костер. Все, что было на мапе, он запомнил наизусть, а такая вещь может стать опасной. Не у каждого путника можно найти такое! До сих пор Навко везло, но возле Валина его наверняка задержат. Если не у города, то в воротах, и наверняка – во дворце наместника.

Оружие... Нож и клевец – это можно оставить. Ничего странного, что путник из Коро- стенья взял в дальнюю дорогу топорик. А нож у него самый простой, охотничий и даже не очень дорогой.

Итак, ни одежда – обычная, не рванье, но и не новая, ни оружие, ни берестяная чашка – не могли его выдать. Разве что это...

«Это» лежало на самом дне мешка, завернутое в тряпицу. Навко не стал доставать сверток. Лицо Баюра еще стояло перед глазами, и не хотелось видеть вещь, которую забрал у мертвеца. Он и так ее помнил – тяжелую, серебряную, с литой рысью на самом верху. Навершие жезла – зачем оно Баюру? Ответ мог быть один – чтобы показать Кею Уладу. Рыжий Волчок мог не поверить волотичу, и литой бобер – тамга древнего рода – должен стать опознавательным знаком. Много раз Навко хотел выбросить опасную памятку, но все же не решился. Пригодится – чтобы Кей Улад поверил, но уже не сыну Антомира, а ему самому.

Над густыми кронами, еще не потерявшими листву, светлело. Можно идти. В предрас- светных сумерках меньше риска встретить стражу. Его все равно задержат, но пусть это случится ближе к Валину...

Навко вышел на дорогу, поежился от утреннего холода и быстро пошел вперед, прямо на закат. Скоро, уже скоро. И тогда – конец сомнениям. Он будет знать все. И главное – не опоздал ли? Навко хотел вспомнить лицо Аланы, такое, каким он видел его в последний раз, но вместо этого вновь увидел Баюра – мертвого, с бессмысленными пустыми глазами. Будь он проклят, предатель и сын предателя! Почему, он, Навко, должен мучаться из-за того, что просто выполнил свой долг!

Но злость тут же прошла, и Навко понял, что ответ лежит рядом. Он лгал – сын Антомира был предателем, но погиб не из-за этого. В тот миг, когда Навко вонзал нож в его широкую спину, меньше всего думалось о родине и о приказе Правительницы...

Лицо Баюра сгнуло, но на смену ему явилось другое – суровое, со сжатыми губами. Велга – Седая Велга, Государыня Края. Навко показалось, что он вновь слышит ее голос:

«Антомир посылает своего сына к Рыжему Волчонку в Валин. Кто остановит изменника?» Навко первым сказал: «Я, Государыня!» и сумел добиться, чтобы послали именно его. Ведь он знал Баюра – предателя и сына предателя. Даже дважды предателя – изменившего сначала своему народу, а затем и хозяину – Рыжему Волку Сваргу. Убить врага – долг, но Навко уже тогда знал, что выполнит приказ не ради Края. И, наверно, из-за этого мертвый Баюр постоянно напоминал о себе. Те, кого Навко убил в Буселе и позже, на страшном поле под Коростенем, молчали – им сказать нечего. Но веселый парень, когда-то снисходительно хлопавший по плечу молодого холопа, словно повторял каждую ночь: «Ты убийца, навий подкидыш! Ты убил меня не ради своей проклятой свободы и не ради Матери Болот! Тебе нужно пробраться в Валин – и ты убил меня, холоп!»

Навко сжал зубы и даже мотнул головой. Будь прокляты те, из-за которых он появился на свет! Бросившие его на опушке леса, в грязном тряпье, словно кусок протухшего мяса! Навко – навий подкидыш – клеймо на всю жизнь! Что может светить такому в жизни? Доля холопа, которого вскормили из милости? И он стал холопом – без рода, без семьи, даже без имени. Когда они с Аланой мечтали, как убегут в Савмат или еще дальше – за Денор, Навко каждый раз представлял, что начнет новую жизнь с другим именем – настоящим, своим...

В кустах возле дороги послышался шум, и Навко замер, привычно сжимая рукоять клевца. Нет, все спокойно, наверно заяц – или еж. Людей пока нет, и хвала Матери Болот! Хорошо бы сегодня попасть прямо во дворец! Алану он едва ли встретит, но вдруг... И тут он, наконец, вспомнил ее лицо – растерянное, испуганное, залитое слезами. «Навко! Ты уходишь? Не уходи, любимый! Не уходи!»

Он ушел – под Коростень, где Государыня Велга собирала свой народ. Тогда, под стенами столицы, он знал, за что будет сражаться. Свобода его племени была свободой для бывшего холопа Навко, и он дрался за эту свободу – и за Алану.

...Ночь, когда он, тяжело раненый лихим ударом сполотского чекана, очнулся среди остывших трупов, была самой страшной в его недолгой жизни. Тогда, лежа под равнодушным звездным небом в луже липкой, терпко пахнущей крови, он решил, что погибло все – погиб Коростень, погибла Велга, погибла свобода. Но он помнил об Алане, и память помогла выжить. Его подобрали, и долгие недели, сначала под вязким покрывалом полузабытья, затем – скованный болью и бессилием, он все время думал о ней – и раз за разом представлял встречу – неизбежную, близкую.

Он выжил – для того, чтобы узнать о гибели родного поселка. Нелепая случайность помешала вовремя уйти, и все – от стариков до младенцев – пали под сполотскими мечами.

Душа омертвела. Даже то, что случилось чудо – Мать Болот спасла Велгу и заставила захватчиков отступить – оставило Навко равнодушным. Он не радовался победе. К чему все? К чему уважение товарищей, сотня, которой он теперь командовал, дружеская улыбка Велги? Алана погибла – и все сразу стало пустым, бессмысленным...

Над дорогой низко пронеслась большая темная птица, и Навко на миг остановился. Хорошая примета – птица появилась справа. Впрочем, в приметы не очень верилось. Даже боги, всемогущие боги, даже сама Мать Болот, казались теперь далекими и равнодушными к людским судьбам. Слишком страшным было то, что пришлось увидеть. Наверно, боги отвернулись от волотичей. А может, и от сполотов – ведь у них тоже началась война. То, что враги начали убивать друг друга, почему-то не радовало. Новая война – новый круг смерти, разрушения, погибших надежд. Зачем? Неужели боги лишили сполотов разума?

...Он искал смерти. Но бои кончились, сполоты ушли, оставив лишь небольшой отряд в Коростене. Начались будни. Многие разошлись по домам, оставшиеся учились владеть оружием, и Навко не знал, что ему делать. Он был среди тех, кто требовал от Правительницы разорвать перемирие, ударить в спину Рыжему Волку, а затем обрушиться на Савмат. Горячие головы втайне от Велги начали готовить набег на сполотскую землю, Навко охотно поддержал

смельчаков, и тут вновь случилось чудо. Он допрашивал пойманного предателя – одного из тех, кто служил Антомиру. Перепуганный, белый от ужаса парень рассказывал все подряд – о ссоре между Кеями, о засаде, устроенной Рыжим Волком своему брату, о том, как взбунтовались улебы, потребовавшие отпустить их в Валин. И тут он назвал имя Аланы. Навко показалось, что он ослышался, но пленный тут же подтвердил – Алана, из Бусела, тихая зеленоглазая девушка, наложница Улада. Уходя, улебы взяли ее с собой в Валин. А вскоре в Валин вернулся и Рыжий Волчонок – раненый, ненавидящий брата, мечтающий о мести.

Радость, что любимая жива, была недолгой. Валин казался городом за тридевять земель. Не добаться – далеко, слишком далеко. Но через несколько дней его вместе с другими вызвали к Правительнице. Дел оказалась много, и среди прочего Велга упомянула о предателе Антомире, посылающем сына с тайным поручением к Кею Уладу в далекий Валин...

Дорога стала шире, деревья отступили, сменившись зарослями густого боярышника. Навко невольно ускорил шаг. Сейчас! Он уже почти пришел! Но пришлось еще подниматься на высокий холм мимо старого, вросшего в землю каменного идола, мимо огромных валунов, покрытых седым лишайником, прежде чем дорога резко пошла вниз, и в серой утренней дымке перед ним открылся Валин.

Сначала он увидел реку – узкую, темную, рассекавшую равнину надвое. За рекой, у самого горизонта, тянулся бесконечный лес, а ближе, посреди равнины, возвышался холм. Нет, не холм, скорее гора – большая, похожая издали на опрокинутую кадку. На плоской вершине тянулись тонкие ниточки стен. Навко смотрелся и покачал головой. Все верно: стены не деревянные – каменные. Каменными были и вежи, стоявшие по углам. Две самые большие находились на краю, куда вела дорога. Очевидно, там ворота. А за стенами пространство горбилось сотнями крыш – дома, и тоже каменные, причем некоторые в два и даже – о диво! – в три этажа.

Навко долго стоял, рассматривая великий город, о котором столько слышал. Валин! Когда-то улебы не боялись никого – ни сполотов, плативших тяжелую дань степнякам, ни утов, ни румов. Никто не мог привостоять Валинскому Кейству, пока владыки Савмата не сговорились с ограми. Валин погиб – и улебы покорились Кеям Савмата.

Странно было думать об этом, глядя на огромный, раза в два больше Коростеня, город. Говорят, даже в Савмате нет таких домов. Улебы сберегли старые секреты, и до сих пор лучше всех строят из камня. Но, как следует всмотревшись, Навко понял – когда-то Валин был больше. Сейчас город занимал лишь треть огромной горы, а за ним горбились холмы, заросшие густым кустарником. Среди серо-желтой травы возвышались руины – полуразрушенные вежи, обломки высоких стен. Погибший город был огромен, и уцелевшее казалось жалким подобием того, что ушло под желтую траву. Вспомнилось, как в первые недели восстания многие верили, что улебы поддержат волотичей – ради своей давней славы. Но потомки тех, кто жил в Великом Валине, предпочли прислать подмогу Рыжему Волку...

Пора было идти. Навко запахнулся в плащ и быстро зашагал по дороге к реке, через которую был преброшен мост – каменный, на широких быках. Сомнения исчезли. Навко вновь ощутил знакомое бодрящее чувство опасности. Так бывало перед боем, когда впереди проступали шеренги закованных в железо сполотов. Вот он, его новый бой! Пусть не ради родной земли, не ради Края, но драться надо так, как под Коростенем – в полную силу, даже лучше, чтобы вновь не очнуться в луже застывшей крови под равнодушным звездным небом.

Навко тут же одернул себя – нет, не так! Он бросает вызов проклятому Уладу, убийце волотичией, ради Аланы. Но разве не ради нее, не ради ее счастья, он шел в бой под Коростенем? Да, он нарушил приказ Правительницы, но сделал это ради любимой – и боги родной земли его оправдают...

Итак, он, Навко, гонец Антомира... Нет, не Навко, не безвестный подкидыш, холоп без роду и имени! Он Ивор сын Ивора, потомственный дедич из Бусела, его тамга – бобер с секирой о двух лезвиях, он хозяин четырех сел, двух мельниц и огромного леса, тянущегося до

самого Коростеня. Да, хозяин, поскольку его отец, славный Ивора сын Жгута, погиб, защищая Бусел от проклятых мятежников, которых привел Навко – негодяй Навко, холоп, укусивший руку, которая его кормила. Негодяй посмел предложить сдаться на милость, но славный Ивор сражался на конца – и погиб среди горящих развалин родного дома.

Навко – Ивор сын Ивора – мрачно усмехнулся. Все это было правдой, кроме того, что настоящий Ивор, сын его хозяина, умер трех лет от роду, и больше сыновей у дедича не было. Оставалась дочь – Уница, к которой по слухам сватался Баюр. Ее спасли из горящего дома, и Навко запретил трогать девушку, но несчастная лишилась разума среди огня, в котором погибли все ее близкие.

Первая застава встретила его на мосту. Путников было мало, утро лишь вступало в свои права, и двое кметов долго и придирчиво выпрашивали, кто он, откуда и зачем пожаловал в Валин. Спокойно отвечая на вопросы, Навко мысленно поздравил себя, что сразу же отбросил нелепую мысль назваться местным жителем или сполотом. Одежду можно сменить, но родное наречие не спрячешь. Даже Баюр, долго живший в Савмате, не смог научиться правильно говорить по-сполотски.

Подозрения вызывало все – и оружие, и одежда, и, конечно, чуждый выговор. Возможно, стражи ждали, что путник выложит огрызок серебра, дабы снять все вопросы, но Навко не спешил. Ему незачем подкупать стражу. Пусть кличут старшего, пусть ведут во дворец! Ему бояться нечего, напротив – он спешит к Кею Уладу, у него дело – важное, но секретное.

Его все-таки пропустили. Очевидно, несговорчивый волотич надоел стражам. К мосту уже спешили повозки, с которых полагалось взимать мостовое, и Навко был отпущен с пожеланием не вносить в город оружия. Он был слегка разочарован, но решил, что настоящая проверка впереди.

И не ошибся. Возле ворот, огромных, обитых толстым железом, его сразу же отделили от остальных и отвели в сторону. Прибежал запыхавшийся мрачный старшой – пожилой кмет с длинной русой бородой. У Навко забрали клевец, нож и тщательно выпотрошили весь мешок. Итак, он не ошибся и тут. Кметы явно имели приказ, и любой волотич задерживался для выяснения его подозрительной личности. У Навко ничего опасного не нашлось, оружие же не вызвало особых вопросов – человек пришел с войны. Русобородый старшой в десятый раз спросил Навко, кто он и откуда. Стало ясно – и здесь хотят получить мзду. С минуту Навко колебался. Можно потребовать от этой разъявленной рожи немедленно доставить его к наместнику. Но – опасно. Могут задержать – и надолго, просто из злости на несговорчивого чужака. Навко усмехнулся и достал из-за пояса кошель – тяжелый, полный серебра, который он забрал у мертвого Баюра. К чему спорить? За проход через ворота положено платить. С чужака взяли больше – зато все-таки пропустили. Даже разрешили взять с собой клевец, правда это стоило еще одного обрезка серебряной гривны.

Получив свое, старшой сразу подобрел и обстоятельно пояснил, что дворец наместника в самом центре – каменный, трехэтажный, под скатной, крытой медью крышей – не спутать. А ворота открываются с рассветом, с закатом же закрываются. Другие ворота есть – как не быть! – но сейчас по повелению Кея Улада они заперты. Что поделаешь – война.

Навко вновь понял, что оказался прав. В первые дни, когда он узнал, что Алана жива, что она в Валине, все представлялось очень несложным. Главное – добраться, а там – перелезть ночью через деревянный тын, прошмыгнуть черным ходом в Кеев терем и вместе с Аланой бежать в спасительный лес. Теперь это казалось смешным – кметы у ворот, каменные стены, и огромный трехэтажный дворец, где стражи побольше, и где серебром не откупишься. Значит, он прав, что стал Ивором. Хитрость тоже оружие – порой куда лучшее, чем клевец или даже меч.

В огромной комнате было темно, лишь два небольших светильника пытались разогнать подступавший со всех сторон мрак. В углах сгустились тяжелые тени, черно было за маленьким, затянутым слюдой окошком. Навко стоял в самом центре, перед пустым креслом. Он был не один. Стража – двое высоких широкоплечих парней – застыла по бокам, равнодушно поглядывая по сторонам. Но было ясно – равнодушие это показное. Первое же неверное движение – и мечи ударят сразу, без промаха.

Ждать пришлось долго, больше часа. Это не удивляло. Скорее поразила легкость, с которой его пропустили на встречу с Кеем. Стоило подойти к воротам дворца, вызвать старшего кмета и показать наверх с серебряной тамгой. Оружие, правда, отобрали – даже нож. И обыскивали на этот раз по-настоящему. Навко и не думал обижаться – война. Он ведь волотич, а его соплеменники не имеют причин особо любить Кея Улада.

Теперь оставалось ждать. Вначале подумалось, что Улад специально решил потомить неизвестностью подозрительного гонца. Но затем понял – Кею просто не до него. Для Улада он не особо интересен, и это было самым опасным. Значит, главное – привлечь внимание. Сразу – иначе все потеряет смысл...

День прошел недаром. Навко даже не ожидал, что за несколько часов можно узнать так много. Помогла суета большого города. На рынке, который здесь называли по-скандски – «торг» – не надо было даже задавать вопросы. Достаточно просто слушать – разговоры торговцев, беседы подвыпивших гуляк в харчевне, болтовню цирюльника, стригущего желающих по-городскому, «в скобку» или по-деревенски – «под горшок». Навко даже пожалел, что нескоро вернется домой. Правительнице Велге стоило узнать многое из того, о чем болтали в Валине.

Молодого Кея любили. Это казалось странным, даже невероятным. Рыжий Волчонок, брат Сварга Кровавого! Но для валинцев наместник был веселым парнем, не пропускавшим народных гуляний, лично поздравлявшим новобрачных и порой заходившим запросто в дом обычного горожанина. Навко понимал, что все это делалось не зря, и гулял Кей Улад на двух свадьбах от силы, а то и на одной. Но добрая слава осталась. Теперь же к ней прибавилась другая – Улада жалели. Молодой Кей ранен, молодой Кей чуть не погиб! И кто же послал убийц? Родной брат, подумать только!

А еще Улада считали хорошим воином, чуть ли не бравым рубакой, вдребезги разгромившим орды немытых волотичей. Видать, брат Сварг позавидовал, потому и убийц послал! Вскоре Навко понял, в чем дело. Улад щедро наградил улебов, воевавшим вместе с ним, и заплатил немало серебра семьям погибших. Теперь о славе героя можно не волноваться – охрипнут, но всем поведают.

Стало ясно – Улад умен. Или умны советники, но и в этом случае Рыжий Волчонок свое дело знает – приглашает на совет людей нужных. Одно было странно. Никто не говорил, что покойный Мезанмир завещал Железный Венец не Рацимиру, а именно Уладу. В Коростене о завещании знали, в Валине – нет. Навко решил, что и это неспроста.

О главном, ради чего он и пришел в Валин, было сказано всего несколько слов. Толстая торговка, переговариваясь с соседкой, еще более осанистой, упомянула о зеленоглазой девушке, которую молодой Кей держит взаперти на третьем этаже своего дворца. Она, торговка, даже видела ее, но мельком. Красивая, конечно, но слишком худая. Правда, одета богато, даже глянуть приятно. Видать, Кей Улад зазнобе нарядов не жалеет...

Навко долго стоял на шумной площади, глядя на возвышавшийся вдали белокаменный дворец. Третий этаж – семь окон, выходящих на площадь. Может, за одним из них она – Алана, может, она сейчас смотрит вниз, на людей, запрудивших площадь... Вспомнились сказки – в них легко превратиться в голубя или сокола и влететь прямо в окно терема, где тоскует любимая. Но сказки остались в детстве. Алана была рядом, совсем близко, но оставалась такой же недоступной, словно Навко находился не здесь, а среди родных лесов...

Теперь, когда рядом стояли молчаливые парни с мечами, Навко был совсем рядом с нею. Может, Алана за стеной, в соседней комнате. Может, именно сейчас к ней зашел Рыжий Волчонок... Навко закрыл глаза и сильно, до боли закусил губу. Нельзя! Все потом! Сейчас он Ивор сын Ивора, посланец великого дедича Антомира сына Баюра...

Шаги были слышны издали. Кто-то шел по коридору – быстро, резко, словно был чем-то разгневан или очень спешил. Навко медленно перевел взгляд на расписной потолок, почти незаметный в затопившей комнату темноте. Сейчас... Мать Болот, помоги своему сыну! Он, Навко-подкидыш, убивал за Тебя и ради Тебя умирал. Помоги!

...В первый миг он удивился. Тот, кто вошел в комнату, был значительно старше, чем думалось. Рыжему Волчонку нет и двадцати, этот же выглядел на все двадцать пять, а то и двадцать семь. Усталое лицо, уголки губ брезгливо опущены. Маленькие усики – нелепые, почти смешные... Неужели это Улад?

Но раздумывать поздно. Плечи сами собой расправились, руки опустились вниз – ровно, как на воинском смотре.

– Чолом, Светлый Кей!

Лицо с нелепыми усиками дрогнуло, глаза моргнули:

– Я н-не...

Невероятно, но Кей Улад растерялся, не зная, что сказать. Навко ждал всего, но не этого. И тогда он растерялся сам – до испуга, до холода в животе.

– Н-не называй меня так, волотич!

Руки суетливо дернулись, и Улад поспешил спрятать их за спину. Навко поразился еще более – Рыжий Волчонок боится! И где? В своем дворце, среди охраны! И страх внезапно отпустил. Стало легче – выходит, они на равных.

Кей остался стоять, хотя кресло было рядом. Навко понял – разговор предстоит очень короткий. Сейчас решится все...

– Что хочет от меня этот... Антомир?

По лицу скользнула брезгливая гримаса, и Навко тут же сообразил – все, что он собирался сказать от имени великого дедича, Улада не интересует. Он не верит Антомиру. Не верит – и презирает.

Оставалось улыбнуться. Это было трудно, почти невозможно, но Навко все же нашел в себе силы и усмехнулся – легко, беззаботно:

– Побитый пес ищет нового хозяина, Кей!

– Как?

Лицо Улада словно помолодело, на тонких губах мелькнула улыбка:

– Что ты сказал, волотич?

На миг Навко ощутил радость – безумную, лишаящую разума. Но тут же опомнился. Это лишь начало. Даже не начало, просто теперь его выслушают.

– Великий дедич Антомир сын Баюра стал никому не нужен в земле волотичей. Даже твоему брату, Кей! Теперь у Антомира не осталось ни друзей, ни слуг. Поэтому он думает, что ты, когда станешь Светлым, поможешь ему...

– Верну ему Коростень?

Выходит, Рыжий Волчонок знает и об этом! Навко понял – надо быть осторожным. Лед тонок, очень тонок...

– И Коростень тоже, Кей! Антомир надеется, что двойное предательство вернет ему власть...

Страшное слово было сказано, и Навко вновь ощутил страх. Для сполотов Антомир – не предатель, он лучший слуга Кеев! Но Улад, похоже, подумал совсем о другом.

– Ты прав, волотич! Предателей не любит никто. А ты сам? Разве ты только что не предал своего господина?

Тон был под стать словам, тонкие губы кривились презрительной усмешкой. Но Навко уже понял – Антомир больше не интересует Рыжего Волчонка. А вот он сам...

– Наш род никогда не служил Антомиру, Кей! – Навко ухмыльнулся в ответ – прямо в лицо врагу. – Я Ивор сын Ивора, урожденный дедич. Мой род сотни лет правит на нашей земле. Когда мятежники убили отца, я пошел сражаться под стяги Кеев, но не собираюсь спасать труса, потерявшего лицо!

Молчание длилось долго, очень долго. Наконец, прозвучал негромкий, чуть сипловатый голос:

– Ты прав... Садись, Ивор сын Ивора. Расскажи, что там у вас...

Навко подумал, что Кей забыл – садиться гостю некуда. Но один из кметов бесшумно отступил в темный угол, вернувшись в грубом деревянном табуретом. Улад сел в кресло, сцепил руки и вопросительно поглядел на гостя. Значит, у Навко есть несколько минут, пока он будет рассказывать. Он хотел начать с главного: войско – Кеево и Велги, перемирие, споры среди дедичей. Но в последний миг понял – Улад знает. Надо начать с другого – не такого важного, но неожиданного.

– Мятежники уже в Коростене, Кей!

– Чт-то?!

Он не ошибся – Улад был изумлен. Значит, его лазутчики знают не все. Оставалось развивать успех.

– В столице сейчас полсотни сполотов... и триста вооруженных мятежников. Одни в Верхнем Городе, другие в Нижнем...

Навко думал, что сейчас его спросят, как такое случилось, но вопрос был совсем о другом:

– А как же Кобник?

– Кто? О каком кобнике ты спрашиваешь, Кей?

– Б-брат... К-кей Сварг послал править в Коростень...

– А-а-а! – теперь можно было засмеяться. – Ты о Лантахе! Это было весело, Кей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.